

Андрей Гресс

ПОЦЕЛОВАННАЯ С ПЛЕТЬЮ

Андрей Гросс

Поцелованная с плетью

«Литнет»

2026

Гросс А.

Поцелованная с плетью / А. Гросс — «Литнет», 2026

Её наказал варвар. И ей это понравилось. У неё вместо имени номер. Её миссия — шпионаж. Её проблема — он. Она с планеты, где нет прикосновений, нет страсти, нет подчинения. Он — с планеты, где женщина обязана склонить голову перед мужчиной, а послушание карается розгами. Она пытается сбежать. Он ловит её, задирает тунику и шлёпает так, что она кричит. А потом... гладит, целует и заставляет умолять о продолжении. Между ними — пропасть культур. Между ними — его ремень. Между ними — желание, которое она не в силах отрицать. Он называет её своей собственностью. Она клянётся, что никогда не подчинится. Но когда он приказывает встать на колени — её тело слушается раньше, чем разум. Внимание: в романе есть сцены строгой дисциплины, спанкинг и отношения доминанта и сабмиссива.

© Гросс А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	17
Глава 3	26
Глава 4	36
Глава 5	44
Глава 6	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Глава 1

Я наблюдаю, как лиловые пальцы солнца трогают горизонт, сидя на корточках за большими плоскими зелёными листьями куста передо мной. Моё дыхание прерывисто — я только что поспешила от портала к тому месту, где нахожусь сейчас. Вход в портал, одна из немногих моих связей с родной планетой, теперь наглухо закрыт, и я осталась одна на чужой планете. Крошечное коммуникационное устройство, засунутое в сумку, — единственная ниточка, связывающая меня с домом и моим народом. Когда исчезнут последние проблески света, настанет время действовать. Сердце колотится в груди, но я игнорирую тревогу. Если я должна выполнить свою миссию, я не могу поддаваться страху. Я должна слиться с толпой — с дикарями, которые, словно дикие звери, выстраиваются вдоль улиц Авалера.

Если я хочу спасти свой народ, я должна притвориться авалерийкой. Моя рука скользит к боку, в очередной раз проверяя, на месте ли тонкое серебряное оружие, засунутое за пояс. Как бы я хотела иметь больше времени, чтобы изучить людей, к которым я сейчас иду, по-настоящему погрузиться в их культуру, но время поджимает. У меня остались лишь крупницы слухов, которые я слышала в детстве. Я не знаю, где здесь правда, а где вымысел.

Авалерийцы — полная противоположность цивилизованной, прогрессивной планете Фреаносс, к которой принадлежу я. Мне говорили, что авалерийцы — варвары. Днём здесь тепло, и даже сейчас они одеты в простую, скудную одежду. Это пробуждает моё любопытство: я никогда не видела людей ни в чём, кроме регламентированного белого — униформы, которую нам выдают с юности. Варвары до сих пор едят пищу, приготовленную на огне, из животных, которых сами разводят и забивают. Меня передёргивает при мысли о том, каково это — разделять с ними трапезу. Я буду тосковать по более чистым, стерилизованным методам, к которым привыкла. Я поднимаю подбородок и глубоко вдыхаю. Если я не притворюсь одной из них, я не смогу спасти свой народ.

Но есть и более низменные традиции, которых я действительно боюсь. Одна мысль о том, что меня могут принудить к участию в их некультурных обычаях, заставляет желудок скручиваться узлом, а ладони — неестественно потеть. Они верят, что некоторые из их людей обладают большей жизненной силой, чем другие, и поэтому у них существует дисбаланс власти. Там нет равных. И мне говорили — правда, опять же, у меня нет подтверждения этим слухам, — что дикари Авалера верят в спаривание. Меня бросает в дрожь, и я шёпотом повторяю слова, с которыми выросла; успокаивающее повторение нашей мантры останавливает дрожь в конечностях.

Мы — единое тело. Мы — единый народ. Вместе мы победим тьму и восстанем как один! —звучало на всю округу

Сияющие лучи солнца исчезли, и меня окружает чернота ночи. Я двигаюсь медленно, осторожно пробираясь к толпе, чтобы не вызвать лишних подозрений. Пришло время надеть одежду дикарей. У меня есть небольшая сумка с необходимой одеждой. Регламентированное белое, которое всё ещё на мне, защищало меня от стихии, пока я путешествовала к чужой планете. Я никогда не ощущала ни настоящего холода, ни настоящей жары — только контролируемый климат Фреаносса. Теперь, после захода солнца, здесь прохладнее. На моих руках выступают маленькие пупырышки, и меня знобит.

Прямо передо мной я вижу их — они движутся под музыку, в барабаны бьют чем-то похожим на палки. Я вздрагиваю. Варварство. Но часть меня находит эту музыку притягательной — ритмичное «бум-бум-бум» — первобытной и громкой. Но я быстро отметаю эти мысли, стремясь избавиться от любых симпатий к варварам. Моё дыхание учащается, когда я продвигаюсь вперёд, наблюдая теперь из своего укрытия. Женщины танцуют, покачивая бёдрами и

двигая руками в такт глубокому, громоподобному бою барабанов. Маленькие дети с визгом гоняются друг за другом, но, когда я смотрю, моё внимание привлекает кое-что другое.

Перед толпой стоят нечто, похожее на древние троны, резные, покрытые позолотой, а на тронах восседают дюжина свирепых мужчин — воинов, как я полагаю. Они выглядят совсем не так, как мужчины Фреаносса. Эти мужчины перекатываются мускулами, обнажены до пояса, их руки и крупные мускулистые шеи покрыты чёрными полосами племенных татуировок. Их волосы не коротко острижены, как привычный регламентированный стандарт, а длиннее, гуще, обрамляют лица. У некоторых они собраны сзади в узел. Мужчина, к которому я прикована взглядом больше всего — самый крупный, самый свирепый на вид из всех них — с длинными чёрными волосами. Его глаза сверкают, как обсидиан. Его сильная челюсть густо покрыта бородой, руки скрещены на мускулистой груди. Он наблюдает за танцем перед собой натренированным взглядом, его голова слегка покачивается в такт, когда он обводит взглядом толпу.

Я отвожу глаза. Я должна поторопиться переодеться, если хочу слиться с толпой. Мой самый безопасный шанс остаться незамеченной — выглядеть как одна из них.

Пока я снимаю униформу, я заставляю себя игнорировать дискомфорт от прохладного ночного воздуха. Дрожащими руками я достаю маленькую тунику из сумки и натягиваю её через голову. Я моргаю от удивления, глядя на себя: мои собственные голые руки выглядят странно неуместно в темноте леса, ноги голые, если не считать подола туники, доходящего чуть выше колен. Даже если я буду выглядеть как они, как они вообще поверят, что я одна из них? Я заталкиваю свою униформу на дно сумки, кладя её рядом с крошечным коммуникационным устройством, которое достала, пока переодевалась, но оружие я засовываю за пояс туники. Я понятия не имею, что произойдёт в ближайшие несколько часов. Как только я добуду нужную информацию, я смогу вернуться к своему народу и навсегда покинуть дикарей.

Глубоко вздохнув, я прячу сумку под сенью самого большого куста, который могу найти. Достав оружие, я нажимаю кнопку на его боку — и тотчас же из него выскальзывает серебряное лезвие. Я вырезаю букву «Х» на ветке куста. Когда я нажму кнопку на боку своей сумки, она исчезнет из виду. Я должна запомнить, куда я её положила. Без неё я не смогу легко вернуться на Фреаносс.

Моё присутствие здесь сейчас — нарушение пакта наших отцов-основателей. Меня не мучает совесть из-за решения нарушить закон. Я оправдала свой выбор, потому что именно авалерийцы развязали наш конфликт. Я смотрю на своё оружие. Разумно ли входить в толпу вооружённой? Оставить оружие позади было бы всё равно что лишиться конечности, поэтому, хотя моя сумка останется невидимой, оружие идёт со мной. Я приближаюсь к толпе.

Прямо передо мной — несколько десятков женщин, собравшихся вместе, они смеются, покачивают бёдрами в такт музыке. Я направляю шаги к ним, понимая, что среди них я буду в наибольшей безопасности. У меня тёмные волосы, как у них, и хотя моя кожа мягкая и бледная, в отличие от их золотистой, я надеюсь затеряться среди них, пока осматриваюсь.

Я чувствую себя совершенно голой, но целеустремлённо прохожу мимо пары с несколькими маленькими детьми, мимо торговцев, продающих что-то ароматное, но от чего у меня воротит живот. Я опускаю голову и делаю вид, что покачиваю бёдрами вместе с ними, хотя притворяться, что смеюсь вместе с ними, я не могу делать это искренне. Я напоминаю себе, что нужно всего лишь одну ночь притворяться одной из них, и я добуду информацию, необходимую для моей миссии. Авалер ворует у Фреаносса. Хотя мы маленькая нация, мы процветаем благодаря обилию природных ресурсов, которые авалерийцы отбирают по у нас в тихоря. . Моя задача — внедриться в их ряды и доложить своему народу о том, что я узнаю.

Сейчас музыка достигает апогея, барабаны гремят, их звук кажется моим ушам почти безумным. Возбуждение, кажется, растёт, смех женщин становится громче. Я начинаю гадать, не совершила ли я ошибку. Почему эта толпа так неистовствует?

Крупный мужчина, сидящий в центре круга, теперь поднимается, и, к моему ужасу, начинает приближаться к нашей группе. Я заворожена, глядя на него вблизи. Его волосы черны как ночь, касаются острого угла его бородатой челюсти. Он так не похож ни на одного мужчину, которого я когда-либо видела, что я не могу отвести взгляд. На Фреаноссе женщины отращают волосы немного длиннее мужчин, а длина — дело личного вкуса. Однако волосы на теле и у мужчин, и у женщин клинически удаляются после достижения половой зрелости, а мужчины Фреаносса всегда чисто выбриты. Я не могу отвести глаз от мужчины передо мной, его фигура возвышается над толпой, его мускулы переливаются в мерцающем свете факелов. Когда он двигается, его силу величественно созерцать. Я почти ожидаю, что он заговорит рычанием, а не тем властным голосом, который теперь звучит ясно и так глубоко, что резонирует во всём моём существе, словно барабаны.

— Иди ко мне, — говорит он, поманив пальцем нашу группу. — Время пришло.

Время для чего? Мой желудок скручивает от страха. Я совершила ужасную ошибку. Это не анонимная группа женщин, а группа, которую ведут в круг мужчин. Я поворачиваюсь, отходя от толпы с опущенной головой, надеясь, что если избегу зрительного контакта, то смогу избежать своей участи и переместиться к людям справа от меня. Мне нужно уйти от этой группы, так как женщины сейчас движутся в центр круга мужчин. Если я быстро юркну между женщинами слева от меня, мужчина, загоняющий женщин вперёд, возможно, не заметит меня. Я не должна подходить к нему слишком близко. Но когда я сворачиваю налево, он приближается. Я ускоряю шаг, но теперь боюсь, что мои стремительные движения предупредят его о моём плане побега. Неужели он уже знает, что я не одна из них?

Когда я шагаю влево, две женщины преграждают мне путь, словно не замечая меня, стоящей перед ними, поскольку они движутся вперёд. Меня толкают вправо, ближе к мужчине, который манит. Я должна двигаться. Я проскальзываю между двумя женщинами, но он делает шаг в сторону, и я оказываюсь прямо перед мужчиной. Он с любопытством смотрит на меня, а затем кладёт обе руки мне на плечи.

Его голос твёрд, но мягок, когда он говорит со мной. — Ну-ну, маленькая моя, — говорит он низким рыком, и, хотя он улыбается, его глаза строго устремлены на меня. — Ты знаешь, чего мы ждём. Иди, давай. — Он разворачивает меня и слегка подталкивает обратно к толпе женщин. Мной начинает овладевать паника. Я не хочу быть выставленной напоказ. Раскроют ли они меня? Что собирается делать этот круг мужчин? Нет, я не пойду добровольно.

Я пытаюсь сбежать, но он хватает меня — его большая рука обхватывает мою талию. Он разворачивает меня, и, к моему полному потрясению, отвешивает мне увесистый шлепок по моей скудно прикрытой заднице. Моя реакция инстинктивна. Я стремительно двигаюсь, врежаясь локтем в его твёрдый живот. Его голова резко дёргается назад от шока, он издаёт резкий вздох, а затем тянется ко мне. Я готова пнуть его. Проклятые мои тренированные инстинкты. Я сделала именно то, что не должна была, — привлекла к себе внимание. Я быстро смотрю, что он сделает в ответ. Его глаза сужаются, губы сжимаются, и я понимаю, что толпа затихла.

— Успокойся, женщина. — Его голос разносится в тишине, и я вижу, что все мужчины теперь на ногах, с оружием наготове. Почему у них оружие наготове? Да, я привлекла к себе внимание, но их реакция сбивает меня с толку. И тут я вижу сверкающее серебро в нескольких метрах впереди. Мой нож выпал из-за пояса во время потасовки и теперь блестит в центре круга.

Мужчина отпускает одну мою руку ровно настолько, чтобы дотянуться до моего оружия. Его левая рука по-прежнему сжимает меня, я не могу пошевелиться. Проклятье моей неосторожности. Он поворачивается ко мне, его голос — низкое рычание. — Она принесла оружие в наше присутствие, — говорит он. Я бросаю взгляд в сторону и вижу, что он засовывает оружие себе за пояс.

— Женщина, известен ли тебе закон нашей страны, что пронос такого оружия во время деревенского праздника — наказуемое преступление?

Я моргаю. Интересно, правильно ли я расслышала. Оцепенев, я качаю головой. Как всё могло пойти так неправильно и так быстро?

Воин снова сжимает мои плечи. — Я имею право наказать женщину за оскорбление меня, прежде чем предстать перед судом. — Моё сердцебиение учащается, когда он продолжает, обращаясь к толпе. — Хотя она заслужила суровое наказание за то, что ударила меня, возможно, учитывая праздник полумесяца, нам следует милосердно отнестись к её второму проступку. — Он делает паузу. — К нам не приходил чужеземец, оскверняющий наше присутствие варварским оружием, со времён Новой Зари. Возможно, милосердие уместно.

Я не могу дышать.

Его голос понижается, так что только я слышу его слова.

— Но хотя мой долг — привлечь тебя к справедливости, для меня это будет удовольствие. Похоже, дар богов почтил наше присутствие.

Дар? Я должна сбежать. Я должна вернуться домой.

Он отступает на шаг и повышает голос, снова обращаясь к толпе.

— Праздник полумесяца приносит с собой призыв к милосердию. Сегодня я буду служить двойной цели и исполню и милосердие, и долг. Хотя я принимаю свой долг наказать женщину за её проступок, я принимаю её как свою избранную пару из круга.

— Он кланяется женщинам, всё ещё стоящим в круге, и они отвечают ему поклоном. Некоторые выглядят разочарованными, в то время как другие уже устремили взгляды на других воинов. У меня идёт голова кругом.

Король?

Пара?

Толпа ликует. Я вырываюсь, извиваясь в хватке мужчины, но не могу освободиться.

Мужчина, держащий меня, притягивает меня ближе к себе. Его подбородок поднимается, взгляд устремляется на толпу. — Вы можете положиться на моё слово, — говорит он. — Я позабочусь о ней как следует.

И с этими последними леденящими душу прощальными словами он утаскивает меня прочь.

— Пойдем, красотка, и веди себя тихо!

Я не пойду тихо. Не пойду. Пусть называют этого человека королём или как им там угодно, но я не его прислуга. Он не владеет мной, и теперь, когда моя личность раскрыта, я буду сражаться из последних сил. Я тяну, толкаю и извиваюсь в его хватке. Я не слабка, но освободиться не могу. Я маленькая, но я сильная, и я буду бороться. Я поднимаю ногу и изо всех сил топаю по его ступне. Он шипит, хватка его слабеет, но он не отпускает меня. Мне большего и не нужно. Быстрым движением я снова изо всех сил бью его локтем, и пока он отвлёкся, мне удаётся вывернуться из его рук — одна рука свободна. Я должна спрятаться. Мне крайне необходимо уйти от него. Я не буду пленницей этого дикаря. Последним рывком я высвобождаю и вторую руку.

Но в тот самый миг, когда я поворачиваюсь, чтобы бежать, острая боль пронзает мою голову. Я взываю. Грубиян схватил меня за волосы.

— Хватит, женщина! — гремит он. Мою голову откидывают назад, и в его глазах больше нет ни веселья, ни доброты — только яростные щёлчки, и я снова прижата к нему его железной хваткой. — Ты получишь суровое наказание за свою вспышку гнева, — шипит он мне в ухо. — Хочешь, чтобы тебя наказали при всех? Я готов избавить тебя от этого унижения, даже сейчас, если ты просто извинишься и попросишь прощения. Тогда ты понесёшь наказание в моих покоях, а не здесь.

— Дикарь, — шиплю я. — Как ты смеешь!

Он приподнимает бровь. — Ты не собираешься извиняться, я полагаю?

Я щурюсь и сверлю его взглядом. Его губы расплываются в зловещей улыбке, и он наклоняется к моему уху. — Это твой последний шанс, маленькая, — говорит он. — Я сильнее тебя, и ты не победишь. Но ты уйдёшь, сохранив остатки гордости, если просто сделаешь, как я говорю. Хочешь быть наказанной на глазах у моего народа?

Я хмурюсь. Неужели он действительно накажет меня таким унижительным образом? Один взгляд на его суровое лицо — и я понимаю: он говорит правду.

— Я... — начинаю я, заикаясь и запинаясь. Я не знаю, что сказать. Он жестом велит кому-то принести что-то. Я смотрю, испытывая унижение, как взгляды толпы устремляются на меня. Приближается мужчина, держа в руках верёвку. Мой похититель обматывает верёвку вокруг моих запястий и натягивает её, хмуро глядя на меня. — Правильный ответ: «Прости меня, Господин».

Я скрежещу зубами и бросаю ему вызов своим молчанием. Господин! Не могу. Не стану! Ни один мужчина не господин мне.

Его челюсти сжимаются. — Что ж, тогда, маленькая, — говорит он, и, к моему удивлению, я слышу в его голосе нотку сожаления.

Он тащит меня к тому, что похоже на рыночную площадь, где стоят столы и стулья, едва различимые в темноте. Вокруг нас собралась толпа, некоторые следуют за нами, пока он тянет меня к месту, похожему на храм. Оно простое, но величественное, с золотым куполом и панелями из слоновой кости. Но теперь я вижу, куда меня привели. Это открытая площадка, которая выглядит почти как арена. Там есть большой плоский помост и несколько деревянных столбов... столбов для порки?. Всё это место предназначено для публичных наказаний, где тех, кто плохо себя ведёт, публично секут. У меня падает живот. Я слышала, что такие места когда-то существовали, но на Фреаноссе больше нет ни плетей, ни цепей, ни тюрем. Преступное поведение было тщательно искоренено в моём народе по мере нашего продвижения к единообразию. Мы искоренили отклоняющееся поведение, и у нас нет необходимости в жестоких наказаниях.

Он выкрикивает несколько приказов. Вспыхивают факелы, их быстро расставляют по краям помоста.

Я начинаю бояться того наказания, на которое сама себя обрекла.

Когда мы добираемся до помоста, он тащит меня к дальнему концу арены — я не иду добровольно. Он берёт мои связанные запястья и подводит меня к тому, что похоже на стол. Он узкий, как маленькая конторка, и когда он толкает меня на него, мой живот оказывается прижатым к поверхности. Одним быстрым движением он дёргает меня за запястья, ловко поднимает верёвку и закрепляет её на колышке на противоположном конце стола. Теперь я фактически растянута, руки вытянуты передо мной, торс плотно прилегает к поверхности стола. Из-за такого положения короткая туника, которая на мне, задирается, и я оказываюсь неприкрытой. К своему стыду, я чувствую прохладный ночной воздух на своих ягодицах и пояснице. Я уничтожена, слёзы готовы пролиться. Пока он поправляет мои путы, я не могу удержаться и шепчу:

— Пожалуйста. Не надо.

Он останавливается у стола передо мной, наклоняясь так, чтобы наши глаза встретились. Он смертельно серьёзен, когда наклоняется ко мне.

— «Пожалуйста, не надо»? — говорит он. — Я дал тебе шанс раскаяться, но ты выбрала неповиновение. — Он протягивает свою большую руку и убирает прядь волос, упавшую мне на лицо. Хотя его нежность застаёт меня врасплох, я морщусь, когда его палец касается моей головы. Физический контакт с человеком непривычен для меня — мы на Фреаноссе давно

поняли, как такие животные наклонности распространяют болезни и недуги. Мы не прикасаемся друг к другу.

Его взгляд скользит по мне, от моего лица вдоль тела, распластанного на столе, прежде чем он снова заговаривает. Когда он говорит, его голос становится глубже. Он не жесток, но в нём слышны порицание и непреклонность.

— Ты послушала меня. Ты нарушила законы Авалера. — Пока он говорит, его глаза темнеют, и кажется, будто он сам убеждает себя в своей правоте. — Нужно ли напоминать тебе, что по нашим законам тебя следовало бы казнить? Я чувствую себя обязанным защитить тебя от нашего самого сурового наказания. — Он выпрямляется, губы его сжаты в тонкую линию, глаза прищурены и устремлены на меня. Его голос понижается, и теперь только я слышу его. — Полосы, которые я нанесу на твоё тело, — это моя милость.

Я закрываю глаза. У меня нет выбора, кроме как смириться со своей участью.

Он обращается к толпе, но я не слышу, что он говорит, — кровь шумит в ушах почти оглушительно. Мои щёки пылают, глаза крепко зажмурены, я уничтожена своим положением. Я вздрагиваю, когда тёплая рука ложится на голую кожу моей поясницы. Я готовлюсь к первому обжигающему удару плети — или чем бы он ни собирался меня наказывать — и вскрикиваю от неожиданности, когда его ладонь с громким шлепком опускается на мою обнажённую кожу. Я ахаю,

удар обжигает мою плоть. Он снова бьёт — звук его ладони разносится как выстрел.

— Ты будешь подчиняться мне, маленькая, — строго говорит он. — Ты должна подчиняться мне. — Он отводит руку, и я готовлюсь к следующему удару. — Тебя следовало бы высечь плетью, — говорит он, и очередной удар ладони обрушивается на мою плоть. — И если ты снова поднимешь на меня руку, так и будет. — Ещё одна обжигающая пощёчина. Я едва могу дышать от боли — его большая рука словно тысяча пчелиных укусов, сыплющихся сильно и быстро. Это больнее, чем я ожидала. Теперь он шлёпает меня всерьёз, удар следует за ударом. Я чувствую, как его нога толкает мою, раздвигая мои ноги, а затем очередной жёсткий удар обрушивается на мои внутренние стороны бёдер. Моя кожа горит, каждый следующий удар, кажется, тяжелее предыдущего. Он делает паузу. На миг я думаю, не закончил ли он. Его голос повышается, он обращается к толпе.

— Эта женщина мала ростом и не знакома с нашими традициями. Теперь она моя, и я буду её исправлять. Она научится послушанию и покорности. Сегодня ночью, наказывая её, я отмечаю её как свою собственную.

В моей груди вспыхивает страх — что он имеет в виду под «отмечаю»? Говорит ли он о следах своей ладони на моей коже или о чём-то ещё? Я в ужасе, меня охватывает страх перед спариванием, которому предаются варвары. Есть ли у них «клеймение» во время спаривания?

Он поворачивается ко мне, его голос понижается, а рука ненадолго ложится мне на шею. — Неповиновение не будет терпимо. — Он отводит руку и возобновляет порку — один сильный шлепок за другим. Мои ягодицы горят от ударов, и каждое новое наказание на пылающей коже заставляет меня вскрикивать. Мои ноги едва касаются пола, я извиваюсь от боли.

— Ну-ну, — укоряет он. — Девушка, которая достаточно смела, чтобы ударить Короля-Воителя, должна быть достаточно смела, чтобы выдержать наказание.

Очередной обжигающий шлепок обрушивается на меня. Он что, насмехается надо мной?

Его голос снова понижается. — Ещё шесть ударов, — говорит он. — И с каждым ударом моей ладони ты будешь громко считать. — Следует короткая пауза. — А если нет, то я продолжу твоё наказание своим поясом для меча, пока ты не начнёшь.

Я закрываю глаза и готовлюсь. Его ладонь твёрдо опускается. — Один, — шиплю я.

— Очень хорошо, — говорит он, прежде чем нанести второй обжигающий удар. — Два.

Очередной сильный шлепок обрушивается на меня — тяжелее предыдущего, и я приподнимаюсь на цыпочках. — Три, — шепчу я, пытаюсь сохранить своё достоинство. Быть пол-

ностью наказанной перед толпой, которая ликует, кричит и свистит, лишило меня гордости. Я хочу, чтобы они ушли. Я хочу бежать.

Четвёртый удар снова приходится по бёдрам, и я вскрикиваю от боли. — Четыре, — выдавливаю я, слёзы жгут глаза, горло странно сдавливает. Я не могу разобраться в тех эмоциях, которые сейчас испытываю. Мне просто нужно, чтобы это закончилось.

Я готова к пятому удару и принимаю его мужественно. — Пять, — говорю я, собирая всё своё мужество.

Последний удар — самый сильный из всех. Хлопок эхом разносится вокруг нас. — Шесть, — шепчу я, обмякая на столе.

Моё наказание окончено. Но моё заточение только началось.

Шершавая, твёрдая ладонь массирует мою саднящую кожу. Мои глаза крепко зажмурены, но я чувствую, как он снимает мои связанные запястья с колышка.

— Иди сюда, маленькая, — говорит он. Меня поднимают на руки. Мои глаза распахиваются от удивления. Я не привыкла к прикосновениям мужчины и уж точно меня никогда не носили на руках — подобные физические прикосновения запрещены на Фреаноссе. Соединение пар было вне закона уже десятилетиями, с самой Новой Зари. Меня также учили верить, что я невосприимчива к желанию человеческого контакта, способна на рациональное мышление, не окрашенное архаичными понятиями. Меня вывели сильнее моих предков и не подверженной слабостям, которым поддавались они. И всё же... что-то внутри меня жаждет его прикосновений. Моему телу нравится чувство беспомощности, когда я в его руках. Я говорю себе, что это всего лишь усталость окрашивает мои чувства. Когда я отдохну, я снова буду мыслить рационально.

Я дрожу от холода. Я не привыкла ощущать такое. Я поднимаю голову и отворачиваюсь от него, выгибая тело, чтобы держаться на расстоянии.

— Маленькая всё ещё бросает мне вызов, даже сейчас, — бормочет он себе под нос, всё ещё крепко держа меня, пока чеканит шаг с целеустремлённым видом. Как ни странно, я замечаю, что люди притихли и кланяются ему, когда мы проходим мимо. Вокруг нас я вижу ярко горящие факелы, поднятые высоко. Слуги, возможно? Он снова говорит со мной. — Мой долг и моё удовольствие — научить тебя послушанию. Ты увидишь.

Что я увижу? Этот человек безумен. Я не останусь здесь, чтобы меня чему-то учили. Я сбегу от него, после того как найду то, что нужно моему народу. Но я не совершу ошибки, снова бросая ему столь дерзкий вызов, — не сейчас. Пока что я буду подчиняться ему, раз он сильнее меня.

И я сбегу.

Альдрик

Я несу маленькую на руках, словно ягнёнка, прижимая к своей груди, чтобы согреть от ночного воздуха. Я наказал её, и теперь мой долг — утешить её. Она усвоила первый урок из моего строгого исправления. Сначала она отталкивает меня, и я не совсем понимаю, почему она борется. На мгновение я задумываюсь, было ли её наказание достаточным. Но как *trained warrior of the highest order*, я умею читать её прана витаэ. Я глубоко вдыхаю, интерпретируя её запах. Пока я иду между мерцающими факелами, которые держат мои слуги, я чувствую, как она и дрожит, и сжимается. Её неповиновение порождено страхом. Маленькой некомфортно и страшно.

Я не жалею о дискомфорте. Я наказал её милосердно, избавив от более сурового приговора. Она ещё не знает, что она моя, но скоро узнает. Мой долг был — выбрать женщину из круга как свою пару, и она сделала мой выбор намного легче, чем я ожидал. Она прелестна, её *petite stature* — привлекательна и изящна, глаза тёмно-синие, как небо в сумерках. Её волосы блестят в лунном свете, кремовая кожа без изъянов, но что привлекает меня в ней больше всего

— так это её запах, одновременно загадочный и чарующий. Я никогда не встречал женщины, подобной ей. Она волшебница? Течёт ли в её жилах кровь богов?

Как моя, маленькая должна научиться подчиняться. Но запах страха силён, и именно со страхом я должен справиться.

— Расслабься в моих руках, — приказываю я. — Ты не сбежишь, толкаясь или борясь со мной.

Она всё ещё отстраняется от меня, отворачивая голову.

— Если продолжишь сопротивляться, я буду вынужден снова наказать тебя в своих покоях. — Я говорю медленно, чтобы она знала: я серьёзен. — И я не буду колебаться, наказывая тебя снова. — Она должна подчиняться мне. Это для её же блага.

Она борется со мной, и я, не думая, рычу — низко, в груди — предупреждение, что она должна подчиниться. Её движения прекращаются, и она смотрит на меня широко раскрытыми глазами.

— Ты рычишь, как животное, — говорит она, хмуря брови.

— Мы братья с животными, маленькая, — говорю я.

Она морщит нос в отвращении, прежде чем задать мне вопрос. — Почему ты называешь меня так? — Хотя её вопрос интересен, мне нравится, что на мгновение она перестала сопротивляться. Теперь мы всего в нескольких ярдах от нашего пункта назначения.

— Ты маленькая, — объясняю я. — И я пока не знаю твоего имени. Тебе не нравится?

Её взгляд на мгновение отворачивается от моего. Нет. Дело не в том, что ей не нравится. Ей нравится очень сильно, и именно её влечение к моему обращению тревожит её.

Маленькая очень хорошо сложена. Я улыбаюсь про себя. Я сделал хороший выбор.

— Меня никогда так не называли, — говорит она, возвращая взгляд к моим глазам. — Среди моего народа я не маленькая.

— Среди моего народа — ты маленькая, — говорю я. — И вот куда ты попала. — Но меня озадачивает её настойчивость. — Нет ничего плохого в том, чтобы быть маленькой, — говорю я. — Мне нравится, что ты маленькая.

— Так легче подчинить меня силой, — говорит она, и её глаза цвета бескрайнего океана сверкают. Её кожа светла. Интересно, целовали ли её когда-нибудь лучи солнца, или это резкий контраст с её чёрными как вороново крыло волосами делает её такой бледной? Хотя на неё приятно смотреть, выражение её лица — нет. Она хмурится. Как бы я ни наслаждался её боевым духом, я не могу позволить даже малейшей тени неуважения. Я хмурюсь на неё.

— Да, — твёрдо говорю я. — Так легче подчинить тебя силой, и я ни на мгновение не жалею об этом.

— Конечно, нет, — бормочет она, отворачивая голову, шепча себе под нос. — Дикарь.

Я поднимаю правую руку, удерживая её только левой, и отвешиваю резкий шлепок по её ягодицам. — Довольно, — говорю я. Она закрывает рот и поворачивает голову в сторону. Этой маленькой понадобится очень твёрдая рука. Я не боюсь своей задачи. Я уже обучал женщин послушанию раньше, хотя ни одна не была моей парой. Я буду наслаждаться, наблюдая за её превращением.

— Мы приближаемся к нашему дому, — говорю я. — Я нёс тебя на руках, потому что ты была наказана. И теперь, когда я наказал тебя, я должен убедиться, что о тебе хорошо заботятся. Таков путь Авалера. Будет время показать тебе дом, который станет твоим. Сегодня ночью тебе нужен отдых.

— Я способна идти, — говорит она.

Моё терпение на исходе. — А я способен переложить тебя через колено, — рычу я. Она замолкает.

Мы проходим последний изгиб леса и теперь приближаемся к замку. Это простое, но элегантное жилище. Когда мой отец передал мне главенство над Авалером, он добровольно

отказался от всей собственности. Поскольку мой отец предпочёл остаться в большом величественном замке Авалера на пенсии, я выбрал меньшее жилище. Оно большое, но просто обставлено, с меньшим количеством слуг для управления и меньшим количеством входов для охраны, тогда как сам замок содержится в ожидании дня, когда я вернусь туда с женой, которая родит мне детей. А пока маленькая останется со мной в моём более уютном доме.

Я прохожу под сводчатым каменным входом и быстрым шагом направляюсь в свои покои. Огонь уже разожжён, постельное бельё откинута, у камина на столе — небольшая тарелка с фруктами, сырами и орехами, рядом кувшин с вином и кувшин с водой. Я наклоняюсь и осторожно ставлю женщину на ноги.

— Садись, маленькая, — приказываю я, указывая строгим пальцем на стул, но когда она двигается, чтобы подчиниться, она морщится. Она не привыкла к наказаниям, как я вижу. Возможно, моё наказание всё же было достаточным. Я смотрю, как она осторожно садится на жёсткую поверхность стула. Её лицо искажается от боли, когда она садится. Так не пойдёт.

— Иди сюда, — приказываю я. Она смотрит на меня в замешательстве, но я подзываю её. Она хмурится на мгновение, и я вдыхаю, пытаюсь сохранить терпение. Я не привык к такому неповиновению. Слуги повинуются моим приказам без промедления. — Женщина, когда я даю тебе указание, я ожидаю немедленного и уважительного послушания. Всегда. А теперь иди сюда.

Она медленно поднимается и подходит ко мне, хмурясь на всём пути. Когда она оказывается на расстоянии вытянутой руки, я хватаю её за талию, разворачиваю и поднимаю её тунику. Она поднимает руку, чтобы оттолкнуть меня, но я ловко перехватываю её запястье и прижимаю его к её боку, игнорируя её протесты, пока осматриваю её.

— Тебя никогда раньше не наказывали? — спрашиваю я. Как любопытно.

— Никогда! — она почти вопит. — Мы не участвуем в таких варварских актах на моей планете!

— Это очевидно, — бормочу я, — а также прискорбно. Я недоволен твоим отсутствием послушания.

Она оглядывается на меня через плечо, пытаюсь вырваться, но я держу крепко. — Нам не нужны твои методы, — шипит она.

— Юная, — строго говорю я. — Похоже, тебе очень нужны мои методы. — Я игнорирую её протесты и бормотание, осматривая её наказанные ягодицы. Они покраснели, и образовался один очень маленький синяк. Хотя я использовал только руку, я бил твёрдо, а её нежная кожа не привыкла к такому обращению. Я опускаю её тунику и разворачиваю её лицом ко мне. — Я должен позаботиться о тебе, — говорю я. Я поднимаю маленький серебряный колокольчик на столе и один раз быстро встряхиваю. Через мгновение я слышу стук в дверь. — Войдите.

Входит моя главная служанка Листава. Маленькая, тонкая и грациозная, с тёмной кожей и тёмными волосами, поседевшими у висков и уложенными на макушке, она с любопытством разглядывает женщину. Без сомнения, она слышала от толпы, что я привёл заявленную женщину в свои покои. Годами Авалер ждал того дня, когда я возьму пару, и, вероятно, ликует, что я наконец сделал выбор. Листава вежливо улыбается и кланяется мне.

— Да, мой господин?

Я улыбаюсь моей самой верной служанке. — Приветствую, Листава, — говорю я. — Я хочу, чтобы принесли серебряный сальвете. Принесёшь его? — Её глаза расширяются, прежде чем она поспешно повинуется. Серебряный сальвете стоит больших денег, и используется экономно. Но эта женщина — моя пара, и у неё будут обязанности. Её нужно исцелить, и быстро.

Мгновение спустя Листава возвращается с маленьким флаконом и вручает его мне с поклоном.

— Благодарю, — говорю я, отпуская её кивком.

— Иди сюда, — говорю я, ведя свою женщину за руку к кровати. — Ложись лицом вниз на мою кровать и подними тунику.

Её глаза расширяются, и сначала меня озадачивает её реакция, пока я не понимаю: возможно, она подозревает, что я собираюсь снова наказать её или, возможно, каким-то образом осквернить её.

— Мне нужно нанести эту мазь, — говорю я. Это последнее объяснение, которое она от меня получит. — А теперь делай, как я сказал. — Я указываю, моё терпение на исходе.

Она повинуетя, вставая, но теперь кладёт туловище на кровать, прижимаясь лицом к покрывалу, и поднимает тунику. Она дрожит.

Я кладу левую руку ей на поясницу. — Тсс, маленькая, — успокаиваю я. — Это будет очень приятно. А когда мы закончим, мы поедим. — Она закрывает глаза и кивает. Тепло разливается по моей груди, когда она наконец уступает, и я выпрямляюсь, гордый этим маленьким актом подчинения. Хотя я буду сурово наказывать её за акты неповиновения, она будет щедро вознаграждена за послушание. Так начнётся её обучение.

Я переворачиваю флакон в ладонь — жидкое серебро блестит в мерцающем свете огня. Флакон устроен так, что на мою ладонь просачиваются только маленькие капли.

Этого достаточно сильнодействующая мазь. Я осторожно провожу рукой по её обнажённой коже. Её ягодицы горячи на ощупь, и она слегка морщится, когда моя ладонь касается её. Но когда я продолжаю массаж, она вздыхает. Я мягко улыбаюсь про себя, глядя, как отметины на ней теперь потускнели до глубокого красного цвета.

— Я наказал тебя на глазах у моего народа, — говорю я. — Ты была отмечена моей кожей о твою кожу. — Я делаю паузу, мой голос понижается, пока моя рука массирует её кожу. Она должна знать, насколько это важно. — Ты научишься подчиняться мне. А теперь иди сюда. — Я нежно похлопываю её по ягодицам, она встаёт и поворачивается ко мне лицом. Её щёки покраснелись, глаза опущены. Я протягиваю руки, обнимаю её и прижимаю к своей груди. Она помещается там так, словно была создана для меня. Мои руки инстинктивно обхватывают её. Она тёплая, и я глубоко вдыхаю. Я больше не чувствую неповиновения — я чувствую что-то другое. Что-то первобытное и неоспоримое. Если мои ограниченные знания о Фреаноссе верны, её познания о спаривании равны нулю. Я улыбаюсь.

Мне будет приятно научить её.

Маленькая сидит рядом со мной на табурете. Я смотрю на неё настороженно. Хотя она теперь под моим бдительным оком, я не могу доверять ей. Я не знаю, почему женщина с Фреаносса не только здесь, но и явилась с оружием со своей родной планеты. Я буду заботиться о её нуждах и требовать её послушания, но я буду следить за ней натренированным взглядом, пока выясню её цель. Пока что необходимо удовлетворить её базовые потребности.

— Ты голодна? — спрашиваю я. После сегодняшних испытаний ей нужна пища. К моему удивлению, она смотрит на меня в замешательстве.

— Голодна? — переспрашивает она.

Я моргаю. — Да. Я об этом и спросил. Ты голодна?

Она пожимает плечами. — Я не знаю. Я слышала о таких вещах, как голод, но мне незнакомо это чувство. — Должно быть, я хмурюсь, потому что она быстро исправляется. — Я знаю о таких вещах. Меня достаточно хорошо обучили, чтобы знать, что другие испытывают голод. Но фреаноссианцы ослабили эти первобытные позывы, и теперь мы обходим голод методами питания и поддержания организма без необходимости сталкиваться с неприятностями или дискомфортом. Мы принимаем добавки и питательные батончики, которые дают энергию и обеспечивают необходимое питание.

Как странно. Различия в наших культурах после Новой Зари поразительны, я знаю. Хотя мне известно, что современные методы Фреаносса иные, до сих пор у меня не было причины всерьёз задумываться о пропасти между нашими культурами.

— Непонимаешь что такое голод? — переспрашиваю я. — Голод — это естественное человеческое переживание. Оно глубоко в нашей прана витеэ. — Но я не собираюсь с ней спорить. Я устал и голоден, а маленькая будет есть. Она смотрит на тарелку на столе с трепетом. Она хмурится, словно кусочки сыра каким-то образом соскочат с тарелки и укусят её за пальцы.

— Голод ощущается как пустота. Иногда он даже болезненный. Он скручивает и грызёт — естественное напоминание тела, что пора подкрепиться. — Я тянусь к кувшину с вином и наливаю насыщенную красную жидкость в сужающийся бокал. Я подношу его к губам и утоляю жажду долгим, ровным глотком. Я вздыхаю с удовлетворением, ставя бокал на стол. Его тепло согревает мою грудь, слегка сладковатый, слегка кисловатый вкус обостряет голод. Я беру большой треугольник белого сыра и целиком кладу его в рот. Она смотрит на меня, хмурясь.

— Я сделал свой первый глоток и съел первый кусочек, — говорю я с кивком. — Так что теперь ты можешь есть с моего разрешения.

Она хмурится сначала на меня, потом на еду. — Мне нельзя есть, пока не поешь ты?

Мои глаза расширяются от удивления. Мне предстоит многому научить эту юную. — Разумеется, нет. Я — король, а ты — моя женщина. Ты будешь есть, когда тебе будет велено. — Я хмрюсь на неё. — Будь я жестоким господином, я заставил бы тебя выполнять свои обязанности без пищи и, возможно, отправил бы тебя спать голодной. Однако я не желаю быть ни жестоким, ни чрезмерно мягким, поэтому позволю тебе поесть. — Она не оценит доброту, которую я ей проявляю, если не понимает обычаев Авалера.

Её маленькие губы опускаются.

— Хотя я благодарю вас за вашу щедрость, — бормочет она, и я улавливаю в её голосе сильную нотку неуважения, — я предпочту не есть. — Она с презрением отворачивается.

Я беру ещё один кусочек сыра и съедаю его, а затем несколько крупных фиолетовых виноградин. Я проглатываю еду, затем делаю ещё один долгий глоток вина, прежде чем заговорить с ней.

— Я спросил, голодна ли ты, — строго говорю я, убеждаясь, что она внимает тону моего голоса. — Я не спрашивал, хочешь ли ты есть. А теперь ответь мне. Ты чувствуешь пустоту, боль или дискомфорт, которые могут указывать на голод?

Словно в ответ мне, у неё урчит в животе. Она скрещивает руки на животе, пытаясь заставить замолчать своё тело-предателя. Она отворачивается от меня. Она не ответила мне.

Я наклоняюсь вперёд и сжимаю пальцами её подбородок, поворачивая её так, чтобы её глаза смотрели в мои. — Когда твой король задаёт тебе вопрос, от тебя ожидают ответа. А теперь ответь мне. Ты чувствуешь голод или нет?

Она кивает, её взгляд сосредоточен на мне. — Чувствую. — Короткая пауза, затем: — Но я не хочу есть. — Она морщит нос в отвращении.

Я отпускаю её подбородок и киваю. — Понимаю. Но, видишь ли, я не даю тебе выбора в этом вопросе. Если ты голодна, ты должна есть. Так что ешь, или я буду вынужден кормить тебя сам, но не раньше, чем переложу тебя через колено за твоё неповиновение.

Её глаза расширяются. Я не хочу снова наказывать её, но я должен научить её подчиняться мне.

Она смотрит на еду на тарелке. Её бравада немного угасает, и её голос становится тихим, когда она говорит. — Я не знаю, что это такое и что мне нравится, — говорит она. — Я... — Её голос срывается, прежде чем она продолжает. — Мне это незнакомо.

Ах. Она не непокорна, она напугана. Я киваю. — Иди сюда, — говорю я. Хотя в её глазах читается тревога, она встаёт, шаркая ногами, и медленно подходит ко мне. Когда она оказывается рядом, я осторожно усаживаю её к себе на колено. — Ты попробуешь по одному кусочку всего, — говорю я. Я беру маленькую фиолетовую виноградину пальцами и подношу к её рту.

Как хорошая девочка, она открывает рот для первого кусочка, и я кладу его ей в рот. — Жуй, маленькая, — говорю я. — Это виноград. Он сочный и сладкий, его можно есть целиком, не очищая от кожуры. Мы давим и ферментируем его, чтобы делать вино. — Она подчиняется, и, когда она жуёт, её глаза расширяются.

Она проглатывает. — Это... у меня нет слов, — говорит она с удивлением. — Как называют то, что имеет прекрасный вкус?

Я улыбаюсь. — Вкуснятина?

Она кивает в изумлении. — Вкуснятина, — говорит она, смакуя слово так же, как смакует фрукт. Я доволен. Моё королевство славится своими цветущими лозами.

Я беру маленький кусочек сыра. — Снова, — инструктирую я. Она подчиняется, открывая рот, и я осторожно вкладываю маленький уголок кусочка. Это острый сыр, терпкий и солёный. Она закрывает рот и жуёт. — И это тоже. Как это называется?

— Это сыр.

— Сыр, — шепчет она. — Вкуснятина.

Она тянется за ещё одной виноградиной. Удивлённый её дерзостью, я отвожу её руку. Сейчас кормлю её я, и она должна подчиняться моему руководству.

— Нет, маленькая, — укоряю я. Она опускает подбородок и отводит взгляд. Она пристыжена. Это гораздо лучший ответ, чем сверкающие глаза и неповиновение. Она учится быстро. Я продолжаю её наставлять. — Когда твой король кормит тебя, ты будешь терпеливо ждать.

— Ты не мой король, — говорит она сквозь стиснутые зубы.

Я разворачиваю её так, чтобы она оказалась верхом у меня на коленях, лицом ко мне, и крепко сжимаю её, обхватив пальцами её челюсть. Искушение снова наказать её велико, но я должен помнить, что она не знает наших обычаев, и моя задача — научить её. — Ты хорошо меня слушаешь, женщина, — говорю я. Мой голос низкий, почти рык, пока я выражаю своё недовольство её неуважением. — Те женщины в круге, которых вывели, были женщинами, подчинёнными Хурачу. Они добровольно отдали себя военным лидерам нашей планеты. Ты вошла в наше присутствие как одна из них. Ты сделала этот выбор. Таким образом, выбрав тебя из круга, я получил над тобой главенство. Я публично отметил тебя. Я твой король.

— Ты не король, — шепчет она, качая головой.

Я озадачен её неповиновением. Неужели она не знает, что я имею полное право сделать с ней? Я могу высечь её плетью и заключить в тюрьму. Я могу овладевать ею в своё удовольствие — утром, днём и ночью — и призвать каждого из моих людей сделать то же самое по очереди. Я могу заставить её ползать у моих ног в клетке у моей кровати и кормить обедками со своей тарелки.

Мужчины, которые были менее влиятельными, чем я, и то делали это часто и с удовольствием. Она еще не понимает, как ей повезло, что она досталась мне.

Я наклоняюсь ближе к ней, наши глаза встречаются прямо, когда я говорю. — Маленькая, — говорю я. — Я не просто твой король. Я твой господин. Тебе стоит помнить об этом.

Уважаемый читатель, пожалуйста, не забывай подписываться на автора и добавлять книгу в библиотеку! Прода будет выходить каждый день, роман написан полностью!

Глава 2

Я зла на себя за то, что взялась за это задание. Я твердила, что справлюсь с короткой анонимной работой. Другие считали мою идею проникнуть к варварам под видом шпионки нелепой. Возможно, они были правы. Как же мне было заподозрить, что я окажусь там, где я сейчас, — восседая на колене у дикаря, который вообразил себя королём? Желчь подступает к горлу, и меня так и подмывает лягнуть его по голени, что у меня за спиной. Но я достаточно умна, чтобы понимать: новое нападение на его величество повлечёт за собой очередное наказание. И он пообещал, что если я ударю его снова, он высечёт меня. О, как же мне стыдно.

Я позволяю ему кормить меня, и это не такая уж тягота. По правде говоря, после той мази, что он втёр в мою избитую кожу, у меня болит теперь лишь моя гордость. Его прикосновения нежны, голос успокаивающ, когда он рассказывает мне о еде, называет разные кушанья, объясняет, откуда они родом. Я киваю, притворяясь заинтересованной. На самом же деле я отмечаю, где нахожусь, запоминаю возможные пути к бегству и пытаюсь разработать план, как вернуться к своей сумке. Мне нужно наблюдать за королём и его народом, добыть необходимые сведения. Я должна заполучить своё коммуникационное устройство.

Сделав ещё несколько укусов, он отодвигает тарелку. Мне хочется ещё. Я впервые пробую такие яства и не желаю останавливаться.

— Пожалуйста, можно мне ещё? — спрашиваю я.

— Нет, малютка, — отвечает он с мягкой суровостью. — Если есть слишком много жирной пищи, когда ты очень голодна, тебя может стошнить. Сыр Авалера богат вкусом, но силён. С тебя довольно. Теперь ты можешь отпить немного вина, прежде чем мы отойдём ко сну, но не больше. Я отошлю слуг на ночь, чтобы нам никто не мешал, а потом ты будешь спать рядом со мной.

Меня приводит в ужас сама мысль о том, чтобы спать рядом с дикарём. Я никогда не спала ни с кем другим. Меня бросает в дрожь. Дикарь встаёт, мягко поднимая меня на ноги, и, наклонившись, звенит в колокольчик, что стоит рядом с ним.

Что, если он решит надругаться надо мной, пока я буду спать? Что помешает ему распорядиться моим телом по своему усмотрению? Я всегда спала одна, в своей приватной койке, в стерильной, однообразной среде, к которой привыкла. Меня снова бросает в дрожь. Не проходит и секунды, как возвращается та женщина с серебристыми волосами, что приносила для него мазь.

— Да, мой господин? — спрашивает она, сложив руки за спиной.

— Нам пора на покой. Проследи, чтобы нас не разбудили рано утром. Малютке понадобится смена одежды и тазик тёплой воды, чтобы умыться. Сегодня ночью я предпочитаю, чтобы она осталась со мной, а не занималась собой. Она будет в моих покоях.

Женщина кивает.

— У неё нет имени, мой господин? — Он вопросительно поднимает на меня густую бровь.

Я качаю головой.

— Имя? Мой номер — Р-482. Нас учитывают по номерам, и мы считаем имена старомодными. — Я поворачиваюсь и кидаю взгляд на короля. — Хотя ему, похоже, кажется, что меня зовут «малютка».

Она вскидывает бровь, и её рот приоткрывается в маленькое «о», но дикарь раздражается глубоким, раскатистым смехом.

— В ней есть огонь, — говорит он. — Поэтому я и захотел её с той самой минуты, как увидел. Терпеть не могу раболепную покорность в своей паре, Листава.

Она поворачивается к нему, всё ещё поджав губы.

— Мой господин?

Он кивает с усмешкой, поглаживая густую бороду.

— Не сомневайся. Она всё равно научится повиноваться. — Он кивает. — И у неё будет имя.

Я с любопытством смотрю на него. Значит, будет? Если всемогущий король так говорит, полагаю, так тому и быть.

Листава лишь улыбается и склоняет голову.

— Как скажете, мой господин. — Она быстро приносит мне всё необходимое и удаляется. Теперь я осталась наедине со своим королём... с тем, кто мнит себя моим хозяином.

Все огни погашены. Я дрожу в темноте. Смотрю на окно и вижу — оно достаточно большое, чтобы я могла выбраться. Но как высоко оно от земли? Мы поднимались по маленькой лестнице, чтобы попасть сюда, и очень похоже, что мы слишком высоко, чтобы бежать этим путём.

— Иди сюда, — приказывает он. Его низкий голос разносится по маленькой комнате. Настало время. Мне ничего не остаётся, кроме как подчиниться. Если я подчинюсь, возможно, мне будет легче бежать, когда настанет подходящий момент.

Я вымылась и приготовилась ко сну как могла. Понятия не имею, какие у них вечерние ритуалы, но знаю одно: я устала. Веки слипаются, тело изнурено после этого долгого дня. Ещё сегодня утром я готовилась отправиться на задание, чтобы спасти свой народ и свою планету. А теперь я не уверена, куда пойду и что буду делать дальше. Но разумно будет предположить, что я лучше подготовлюсь к своей задаче, если сначала отдохну, позволит ли он мне, — однако меня пугает неизвестность. Я знаю: нет ничего, чего он не мог бы со мной сделать, если пожелает. Кто его остановит? Теперь мне остаётся лишь подчиняться и строить планы побега. Я забираюсь в огромную постель. Она покоится на чём-то вроде деревянной рамы.

Этот человек заявляет, что властен надо мной. Что он теперь сделает, когда мы одни? Его крупная, массивная фигура занимает добрую часть огромной кровати, но для меня места предостаточно, ведь я куда меньше его. На Френоссе меня считают высокой. Здесь же я чувствую себя ребёнком.

Уставные привычки сна разительно отличаются от примитивных методов Авалера. В моём климатически контролируемом окружении мне нужна лишь маленькая тонкая простыня, которой я укрываюсь на отдыхе. Я принимаю положенную снотворную добавку, и вскоре сон приходит ко мне легко. Я сплю отмеренное количество часов и просыпаюсь так, как меня приучили. Всё просто. Теперь же я гадаю, смогу ли я отдохнуть, лёжа рядом с варваром.

Мне неловко рядом с ним, потому что он почти полностью раздет. Прежде чем он затушил свет, я разглядела его обнажённую грудь при мерцании свечей. Он силен, этот король: плечи широки, а закалённые мускулы живота перекатываются, когда он идёт. Странные полосы — отметины на плечах и шее — делают его ещё более устрашающим. Даже его ладони так велики, что он легко может обхватить мою талию целиком. Когда я сидела у него на колене, я ожидала почувствовать себя ребёнком, однако не почувствовала ничего детского. Я ощутила, как его тепло окутывает меня, и странное томление пустило во мне корни в ответ на его врождённую силу и мощь. Я изо всех сил старалась не замечать, что его прикосновения нежны, а рука на моей талии тепла и защитна, но теперь, когда я лежу в темноте, воспоминание возвращается с пугающей ясностью.

Похоже, мне предстоит спать в моей лёгкой тунике, раз он не велел мне ничего менять. Я отодвигаюсь на самый край постели, как можно дальше от него, и бесшумно забираюсь под одеяло, повернувшись к нему спиной. Я буквально свешиваюсь с края. И хотя подозреваю, что мой непослушный поступок не потерпят, я наслаждаюсь этим коротким миготом, когда я

отделена от него. Прикоснётся ли он ко мне? Я жду в темноте. Он расположился между мной и дверью.

— Ну-ну, малютка, — говорит он. — Ты не будешь спать в стороне от меня. Пододвинься ближе, прошу.

Я начинаю дрожать — и от страха, и от холода. Он позволил огню в комнате догореть, и моё тело не привыкло к саморегуляции. Что он сделает со мной? Что мне остаётся? Я слышала рассказы о варварских надругательствах, и эта мысль пугает меня. Чего он от меня потребует? Если я ослушаюсь, меня накажут. Подозреваю, что на самом деле он был со мной довольно снисходителен и способен на более жестокие и суровые наказания. Боль от недавней порки уже прошла, но воспоминание о том, как меня перегнули через стол и отчитали, всё ещё живо. Нехотя я поддвигаюсь к нему ближе, но, видимо, недостаточно близко. Его большая рука обхватывает мою талию, и он притягивает меня так, что я оказываюсь вплотную к его телу. Я ахаю.

Первое, что я чувствую, — это его тепло. Оно не похоже ни на что, испытанное мною прежде. Жар исходит от него: его ноги во всю длину прижаты к моим, его голая грудь касается ткани моей туники, его руки накрывают меня. Мой собственный отклик сбивает меня с толку. Хотя мне по-прежнему страшно, это чувство не совсем неприятно. Приятно согреться, говорю я себе. И это единственная причина, по которой я почти наслаждаюсь теплом его объятий, и почему мое дыхание начинает учащаться. Я теряю над собой контроль и замечаю, что мне хочется, чтобы он прижимал меня ещё крепче. Я пытаюсь отодвинуться.

Его руки сжимаются, его губы утопают в моих волосах, и он шепчет:

— Нет.

Я закрываю глаза. У меня нет выбора. Непослушание повлечёт за собой наказание.

Он глубоко вдыхает на мгновение, и я удивлена, когда одна большая рука отрывается от моей талии и ложится мне на волосы, нежно поглаживая.

— Ты боишься, — мягко говорит он.

Я закрываю глаза. Я не хочу признавать страх. Страх — это слабость. Я сильная.

— Нет нужды прятать от меня свой страх. Как твой хозяин, я должен не только научить тебя послушанию, но и заботиться о твоих нуждах. Тот, кем движет страх, не так полезен для меня, как та, что принимает свою покорность.

Я потрясена дерзостью его слов. Полезна ему? Принять мою покорность? Никогда! Хотя я ничего не отвечаю, он усмехается и снова гладит мои волосы.

— Вот увидишь, — говорит он. — А теперь иди сюда. Перевернись на спину, чтобы я мог рассмотреть тебя поближе.

Мои глаза уже привыкли к темноте, когда я нехотя повинуюсь. Лунный свет проникает сквозь окно с моей стороны. Он протягивает нежный палец к моей линии роста волос и проводит по краю.

— У наших женщин волосы светлее твоих, — говорит он. — Темнота твоих прядей придаёт тебе вид колдуньи.

Я застываю. Я не знаю, о чём он говорит, и он не дожждётся от меня ответа. Его палец скользит ниже, по моим скулам. Хотя его палец груб — это руки воина, — его прикосновение нежно.

— Такая нежная кожа, — бормочет он. Странное замечание, думаю я. На Френоссе потребности в питании удовлетворены, а генетические изменения устранили несовершенства. Поэтому у всех нас чистая, мягкая, безупречная кожа. Его палец опускается к моим губам и обводит их. Как ни странно, моё сердце ускоряет бег. Это интимное прикосновение. Ярываюсь между желанием спрятаться и желанием, чтобы он касался меня ещё и ещё.

— Такие полные, прекрасные губы, — тихо говорит он.

Я сглатываю, когда его рука опускается ниже, к подбородку, затем к шее, и он проводит по моей ключице. Я вздрагиваю.

— Малютка, — говорит он. — Ты познала мужчину?

Я мотаю головой, не в силах вымолвить ни слова. Меня никогда не касались люди, что уж говорить о мужчине.

— Но ты ведь не дитя. — Я снова качаю головой.

Он улыбается моему ответу. И когда он говорит, то обращается к самому себе:

— Она дар богов. Дар, который я буду беречь.

Но я едва слушаю его слова, потому что все мои мысли заняты тем, куда ведут его прикосновения. Моя грудь становится полной и странной. Я никогда прежде не чувствовала ничего подобного, и это пугает меня.

— Твоё дыхание стало прерывистым, малютка, — говорит он. — От страха или от предвкушения?

Я не знаю, поэтому не отвечаю. Он наклоняется, и у меня перехватывает горло, когда его губы касаются моего лба. Его губы теплы и мягки.

— Тише. Это всего лишь поцелуй, малютка. И целомудренный к тому же. Сегодня ночью мы должны отдохнуть. — Он становится серьёзным, игривый блеск в глазах гаснет. — Ты пришла ко мне без имени. Это должно измениться. Раз ты моя, я и назову тебя. — Он мягко берёт меня за подбородок и поворачивает моё лицо к себе. — На языке моего народа Карина означает «малютка». Отныне тебя будут звать Карина. — Он осторожно отодвигает меня обратно на бок. Одна его рука остаётся у меня на бедре. — Спи, Карина, — говорит он.

Мой разум переполнен мыслями: моё новое имя, его прикосновения, мои страхи. Лёжа в постели дикаря в чужой земле, я чувствую незнакомый зов первобытных инстинктов: грудь покалывает, а бедра сжимаются. Это тревожит меня. Я сглатываю. Я не могу позволить ему соблазнить меня.

— И ещё, Карина, — тихо говорит он в темноте. — Оставь мысли о побеге. У дверей стоят мои обученные люди, а в саду под окном — стража. Их предупредили о твоём появлении. И не вздумай лелеять мысли о непослушании. — Он делает паузу. — Ты знаешь, что будет, если тыслушаешься меня.

Холодок пронизывает меня. Я очень долго смотрю в темноту, тоскуя по привычной таблетке, что я принимаю дома перед сном и что навевает дрему, пока наконец, прижатая к его теплу спиной, я не проваливаюсь в сон.

Алдрик

Когда я просыпаюсь на следующий день, моя малютка — отныне её зовут Карина — всё ещё крепко спит. Она свернулась калачиком у моей груди, и моё бедро прижато к её тёплой, округлой спине. Чувствую, как начинаю твердеть, и зажмуриваюсь. Надо быть терпеливым. Пусть она и научится беспрекословно подчиняться моей воле, я также хочу заслужить её доверие. Я достиг того, что имею, не без самоконтроля — настало время его проявить.

Сквозь окно с её стороны кровати только начинает пробиваться свет, касаясь её щеки. Я благодарен себе за то, что догадался велеть слугам отменить утренний ритуал. Обычно они уже принесли бы завтрак и помогли бы мне собраться. Но сегодня у нас с Кариной много дел. И хотя кое в чём я буду мягок, ей предстоит ответить на вопросы. Я сажусь, поправляю на ней одеяло и встаю.

Она начнёт с того, что расскажет, зачем она здесь. Френосс — маленькая планета, но если она занимает высокое положение, её народ может попытаться вернуть её. Если бы в чужой земле оказалась моя дочь или сестра, я не остановился бы ни перед чем. Интересно, почему она явилась именно сейчас и послали ли её сюда лидеры Френосса. Я уверен в своей законной власти над ней, но хочу быть готовым к битве, если потребуется.

Мне нравится сама мысль о том, чтобы приручить эту чужеземку. Она сияет ярче всех своей неземной красотой, и даже её дерзость притягивает меня. Она храбра, и когда я обучу её, она станет достойной королевой. Интересно, что ей снится, когда она спит.

Она ворочается, потягивается, закинув руки за голову, и зевает. Я улыбаюсь про себя. Она восхитительна: её маленький ротик широко открывается, точно у котёнка, пробуждающегося ото сна. Однако покой её длится недолго. Спустя секунду после пробуждения она резко садится, хватая одеяло, прижимая к груди, и смотрит на меня широко распахнутыми глазами. Что же её так напугало?

— Не подходи, — шепчет она, указывая на меня пальцем.

Я понимаю, что она напугана, но моей малютке не позволено мной командовать. Хмурясь, я медленно, но твёрдо приближаюсь к ней — так, чтобы её взгляд приковался ко мне.

— Тебе не пристало указывать мне, женщина, — говорю я. — Это не твоё место.

Она хмурится.

— Оставь меня в покое, — рычит она.

Игнорируя её протесты, я сажусь рядом.

— Я говорю тебе в последний раз, — произношу я с максимальной мягкостью, на какую способен. Я уже готов высечь её, но хочу дать ей шанс исправиться. — Ты не можешь мной командовать. Как твой король, я требую уважения и послушания. Если ты снова заговоришь со мной в таком тоне, я накажу тебя.

Она смотрит так, будто решает, стоит ли продолжать в том же духе. Хмурится, обводя взглядом комнату. Мне многое нужно о ней узнать. Но сначала она должна научиться послушанию.

— Правильный ответ на твою провинность — «простите, мой господин». — Я жду. Я буду терпелив, но она научится повиноваться. Делаю паузу, ожидая. Неужели она ничему не научилась вчера? Неужели каждый день нам придётся начинать заново? К моему изумлению, она отбрасывает одеяло и перебирается на другой край кровати — подальше от меня.

Я встаю и иду за ней. Что значит её неповиновение? Она бормочет себе под нос, нахмурившись. Похоже, моя малютка просыпается в дурном расположении духа.

Я быстрыми шагами пересекаю комнату и крепко беру её за предплечье. Она вырывается, но я готов к борьбе — ей не сравниться со мной в силе. Я легко умиряю её. Одной рукой вытаскиваю деревянный стул из-за стола — без подлокотников, рассчитанный на мужчину моего роста. Быстро сажусь и рывком укладываю её поперёк колен.

— Нет! — кричит она, яростно замахиваясь на меня руками, но меня не остановить. Эту малютку нужно проучить. Я беру её за запястья, прижимаю их левой рукой к её пояснице, а правой отвешиваю первый шлепок. Вчера я был с ней снисходителен. Сегодня я не буду столь же понимающим.

Теперь, когда она лежит у меня на коленях, я контролирую наказание куда лучше, чем прежде. Со вторым ударом она вскрикивает, но я не колеблюсь. Звуки моей ладони, шлёпающей по её голой заднице, разносятся по покоям, смешиваясь с её воплями.

— Варвар! — кричит она, пытаясь сползти с моих колен. Этого нельзя допускать. Правой рукой я возвращаю её на место, поднимаю ногу и прижимаю её ноги своей — так, чтобы она не могла вырваться. Теперь её маленькая обнажённая задница беззащитна перед моим наказанием. Я высоко заношу руку и опускаю её с решимостью. Она воеет, пока порка продолжается, и — к моему удивлению — её речь расцветчивается ругательствами. Я потрясён. Никогда не слышал, чтобы женщина так выражалась. Это неприемлемо, и она усвоит этот урок.

— Ты можешь негодовать на меня, — говорю я, подчёркивая слова резкими шлепками. — Но ты не будешь относиться ко мне неуважительно. Хлопки ладони о её голую кожу звучат в комнате. Она воеет и извивается, но не может вырваться из моей хватки. И хорошо — я ещё далёк от того, чтобы закончить.

Я наношу один резкий удар за другим, чувствуя, как ладонь начинает гореть от соприкосновения с её кожей. Я намеренно хлещу её по бокам бёдер — нежным и уязвимым местам.

— Ты будешь говорить со мной с уважением, — настаиваю я. — Ты не будешь произносить в моём присутствии проклятия, недостойные женщины. Очередной резкий удар заставляет её завывать.

— Оставь меня в покое! — кричит она, и голос её срывается. — Вы — дикий народ!

Я хмурюсь. Похоже, придётся зайти дальше, чем я предполагал. Возможно, в следующий раз, когда моей малютке понадобится урок, я помогу её воспитанию своим ремнём.

— Какими бы дикарями мы тебе ни казались, — говорю я, выдерживая ровный ритм шлепков, — женщины в нашей культуре знают своё место. Они не осмелились бы произносить слова непочтения перед своими господами. Тех, кто не сдаётся своим господам, ждут очень серьёзные последствия.

— Господа! — выдыхает она, задыхаясь от каждого сильного удара. — Нет никаких господ над родом человеческим! Мы все равны!

Я замираю с поднятой рукой над её покрасневшей, горячей задницей.

— Вот как? — спрашиваю я. — Хотя твоя теория интересна, похоже, что в данный момент только один из нас получает наказание, а один — наказывает. — Я отвечаю ещё один точный шлепок, но затем становлюсь серьёзным. Мне не нравится её наказывать, и мне пока не удалось убедить её подчиниться. — И я буду продолжать наказывать тебя, пока не докажу свою правоту. — Я даю ей ещё один шлепок, затем ещё. Я наказывал женщин прежде. Я учил их послушанию. Но те наказания были куда короче: обычно одного моего недовольства бывало достаточно, чтобы женщины подо мной раскаялись ещё до того, как наказание началось. Эта малютка куда более цепкая. Хотя я должен добиться её послушания, мне нравится её дух. Мне нравится её огонь. И моему телу — тоже.

Она лежит на мне, и мой член твердеет, прижимаясь к ней. Необходимость учить эту малютку возбудила меня. Мне не терпится заполучить её под себя — покорной своему господину, жаждущей исполнять мои приказы. Но прежде чем продолжить, она должна научиться повиноваться. Я стискиваю зубы, полный решимости стоять на своём, пока не докажу.

— Пожалуйста, — молит она, пока я продолжаю её пороть. — Пожалуйста, перестань. Я не останавлиюсь, пока она не проявит раскаяния.

Я замираю, положив руку на её пылающую задницу.

— Я всего лишь просил тебя говорить со мной уважительно, — напоминаю я. — Вера твоего народа в равенство не отменяет того, что на моей планете ты подчинена мне как твоему господину. Я уже объяснил тебе, что я твой король и твой господин, но ты, кажется, не уловила смысла моих слов.

Я не хочу продолжать наказание. Я хочу её послушания.

Всё ещё держа руку на её горячей заднице, я спрашиваю:

— Ты извинишься за свою грубость?

Её плечи поникают, но она не отвечает. Я поднимаю руку и опускаю её с гулким шлепком.

Она дёргается и воет.

— Да, да! Небеса, да!

Хорошо. Я снова замираю с поднятой рукой.

— Ну так что?

— Простите, — бормочет она, едва внятно.

— Повтори? — спрашиваю я.

— Простите, — говорит она, но я не уверен, что она искренна. Однако мы, похоже, продвигаемся.

— Будешь говорить со мной с уважением, как со своим господином?

Она громко стонет. Я едва сдерживаю усмешку. Её нежелание подчиняться довольно умилительно.

— Да... — она замолкает, и я вижу, каких усилий ей стоит проглотить гордость, — ...мой господин. Слово прошипело, но я слышу его. Я кладу руку на её нагретую задницу и сжимаю. Она вскидывается, произнося громче: — Да, мой господин! Я... простите. — Голос её затихает до едва слышного шёпота, словно она пытается взять себя в руки. Интересно, так ли это. Если бы она сейчас заплакала, я бы знал, что тронул её, но на Френоссе её учили быть сильной. Я научу её полагаться на меня.

Я не стану больше наказывать её. Я провожу рукой по её заднице — красной, словно её опалило летним солнцем. Моя малютка будет чувствовать моё наказание ещё некоторое время.

— Ты... собираешься использовать ту мазь на мне? — робко спрашивает она.

Я усмехаюсь. Я только что как следует выпорол её, а она уже надеется на послабление?

— Мазь, что я использовал прошлой ночью, — драгоценность, и её расходуют бережно, — объясняю я. — Поскольку ты снова ослушалась мне, похоже, прошлой ночью я поторопился облегчить твою боль. День только начался. Я предпочитаю, чтобы ты чувствовала своё наказание по мере того, как день будет идти. — Мой голос понижается. — Ты будешь подчиняться мне, Карина. Я не дрогну в своей обязанности, если ты не сделаешь этого.

Она просто кивает, но ничего не говорит. Она такая маленькая, такая прекрасная, её изгибы женственны и притягательны. И она моя.

Я ласкаю её задницу. Она морщится от моего прикосновения. Массаж поможет предотвратить синяки, хотя, когда я поведу свою малютку с собой по моим владениям, меня не слишком заботит её скромность. Если другие увидят, что на ней остались мои метки, это укрепит их в мысли, что я её господин.

Теперь, когда наказание окончено, я должен позаботиться о ней. Моя малютка узнает, что раскаяние в непослушании щедро вознаграждается. Медленно я глажу её мягкую, тёплую кожу, моя большая рука унимает боль от порки, которую я только что ей устроил. Она лежит неподвижно у меня на коленях, вся борьба вышла из неё, позволяя мне принести ей утешение. Не в силах сдержаться, я опускаю губы к её покрасневшей коже и нежно целую.

— Ах, Карина, — шепчу я. — Ты приняла своё наказание и извлекла урок из своей провинности. Моя рука движется от её поясницы медленно вниз и снова вверх. Во второй раз моя рука опускается ниже, по изгибу её задницы, к её сладостным бёдрам. Её тело восхитительно, и моё желание к ней растёт. Когда моя рука нежно скользит по её коже, она вздрагивает и тихо стонет. Неужели даже будучи наказанной у меня на коленях, она возбуждена? Медленно я опускаю руку к её внутренней стороне бедра и решительно раздвигаю ей ноги. Она ахает, но не протестует, пока я развожу её ноги и мои большие пальцы нежно исследуют её женские складки.

— О-о-о, — выдыхает она. — О, нет, ты... о-о-о.

Я улыбаюсь про себя. Бьюсь об заклад, моя малютка рада, что её лицо всё ещё отвернуто от меня. Судя по тому, как она извивается под моими прикосновениями, её щёки, вероятно, пунцовы, как и та задница, которую я только что наказал. У меня перехватывает дыхание, когда я исследую её дальше и обнаруживаю, что она влажна от возбуждения. Нежно я касаюсь её, мои пальцы ищут наслаждения.

— Пожалуйста, не надо, — говорит она, но при этом выгибается, её слова просят меня остановиться, а тело молит не останавливаться. — Ты... это не... ты не можешь так ко мне прикасаться, — шепчет она.

Не могу? Я могу касаться её как угодно, но я выслушаю, что она скажет.

— Почему нет, Карина? — спрашиваю я, перемещая пальцы на самые верхние части её внутренних бёдер, больше не касаясь её складок, нежно массируя нежную кожу.

Она ахает и стонет, её бёдра извиваются у меня на коленях.

— Я... это негигиенично. Это нечисто. Нельзя прикасаться к этим местам!

Я не могу удержаться и усмехаюсь — низко и глубоко, и гул моего смеха заставляет её дрожать у меня на коленях.

— Не смейся надо мной! — протестует она.

Инстинктивно я шлёпаю её по заднице.

— Цыц, цыц, — наставляю я. — Ты научишься разговаривать со своим господином, Карина. Возможно, мы продолжим наш день с тобой поперёк моих коленей. Позвать слуг, чтобы они кормили тебя, пока ты будешь в таком положении? Я устрою тебе подушку и стул поудобнее, а сам оставлю твою хорошенькую маленькую задницу голой у меня на коленях — готовой к наказанию, когда ты решишь проявить неуважение. — Я крепко сжимаю её, чтобы подчеркнуть свою мысль.

Она взвизгивает и извивается.

— О нет! Пожалуйста, нет! — умоляет она. — Я не хотела быть неуважительной. Я постараюсь вести себя лучше.

— Очень хорошо, — говорю я, снова оглядывая её манящие складки. — На чём мы остановились?

— Я пыталась объяснить тебе, что ты не можешь прикасаться ко мне так, как... ты... — запинаясь она.

Подавляя улыбку и радуясь, что она не видит моего лица, я провожу одним пальцем по её сокровенному местечку.

— Ты имеешь в виду — вот так? — дразню я.

— О-о-о... нет, нет! — говорит она.

Я останавливаюсь.

— Скажи мне ещё раз, почему нет? Ты моя, и я могу делать с тобой что хочу. И это, кажется, доставляет тебе куда больше удовольствия, чем порка, не так ли?

Она снова извивается.

— На Френоссе мы знаем, что прикасаться друг к другу подобным образом — это низкое, нечистое дело. Негигиеничное.

Нечистое? Я начинаю сомневаться в самом здравомыслии её народа. Я знаком с обычаями френоссов лишь поверхностно и знаю, что они не совокупляются, но причины таких обычаев для меня загадка.

— Мне всё равно, что думает твой народ, Карина. Итак, мы продолжим этот разговор у меня на коленях или ты хочешь встать?

Она вздыхает.

— Пожалуйста, отпусти меня.

Я с радостью делаю это, тем более что она потеряла свой язвительный тон и пытается быть уважительной. Я поднимаю её и разворачиваю так, что теперь она сидит у меня на коленях. Она держится прямо и неподвижно, отдельно от меня, но это не годится.

— Иди сюда, малютка, — говорю я. Я притягиваю её ближе, так что её голова теперь лежит у меня на груди. После строгого наказания мой долг — утешить её. — Обычаи твоего народа — не мои обычаи, — говорю я. — Я выслушаю твои слова и обдумаю, чего ты хочешь. Но я буду поступать так, как считаю правильным. Как моя собственность, я могу касаться тебя когда и как пожелаю.

Она напрягается в моих руках. Я прижимаю губами к её уху и шепчу:

— Карина. Хотя я могу касаться того, что принадлежит мне, тебе это понравится.

Она мотает головой, пытаясь отвернуться.

— Нет, — говорит она. — Это неправильно и мерзко, это унижительно.

Я воспринимаю её нелепое утверждение как вызов.

— Ты хочешь сказать мне, — произношу я, — что на такой цивилизованной планете, как твоя, взрослая женщина, такая прекрасная, как ты, никогда не получала удовольствия от мужчины?

— Удовольствия? — переспрашивает она, всё ещё не поднимая головы с моей груди. — Если ты называешь это осквернением, то, конечно, нет. Я добропорядочная гражданка. Мы не поддаёмся таким низменным действиям.

Это озадачивает меня. Я слышал слухи, что у френоссов есть научные методы для размножения, но сама мысль об удалении интимного акта соединения шокирует меня. И в то же время я в восторге. У меня на коленях сидит женщина, которая теперь принадлежит мне, — нетронутая, девственница. Она моя — учить её, наказывать и дарить наслаждение. Пройдёт немного времени, и она сама будет умолять о моих прикосновениях.

— Пути твоего народа загадочны. И они меня не заботят. Ты познаешь наслаждение, гигиенично оно или нет.

Она поворачивается ко мне, глаза её широко распахнуты.

— Ты возьмешь меня против моей воли?

Я улыбаюсь.

— Нет, Карина. Не возьму. Мне это не понадобится.

Я накормлю и одену её, а затем мы навестим Изидора — древнего мудреца, хранителя великой мудрости. Мне понадобится мудрость, чтобы покорить эту малютку.

Глава 3

Если бы я могла доверять себе во сне, я бы пожелала снова погрузиться в дремоту, но сон, от которого я только что пробудилась, совсем не похож на тот, к которому я привыкла за всю свою сознательную жизнь на Фреаноссе. Он не принёс отдыха. Напротив, едва открыв глаза, я почувствовала себя более разбитой, чем перед тем, как сомкнуть веки. Мои сны были яркими, тревожными и навязчивыми — такими, что их фрагменты до сих пор пульсируют под веками, стоит мне лишь на мгновение зажмуриться. Мне снился дикарь, который спал рядом со мной на этой огромной, неудобной постели, и во сне он делал со мной гнусные, немыслимые вещи. Он касался меня своими грубыми, сильными руками — водил ими по моей коже медленно, собственнически, словно изучал каждый изгиб моего тела. Он касался меня языком — горячим, властным, — оставляя влажные дорожки на моей шее, между ключиц, ниже. Меня передёргивает от воспоминаний, но это не отвращение — это страх перед тем, что моё тело, кажется, жаждет этих прикосновений. Он дразнил меня и доставлял мне удовольствие, доводя до какого-то незнакомого, пугающего пика, а когда я проснулась — резко, с тихим вскриком, — меня почти охватило безумие от... чего-то. Я не знаю, что это. Я никогда раньше не испытывала ничего подобного. Я не знаю, чего именно жаждет моё тело, но оно ноет и пульсирует в такт сердцу. Без моей ежевечерней дозы лекарства — того самого холодного, стерильного раствора, который вливался мне в вену каждый вечер перед отбоем — моё тело начало вытворять со мной странные, пугающие вещи. Оно будто пробудилось от долгого сна и теперь требует того, чему меня никогда не учили.

На Фреаноссе я приветствовала сон. Когда я спала, мирские заботы исчезали полностью, стирались, как надоевшие записи с чистой пластины. Я спала без сновидений, глубоко и спокойно, и просыпалась отдохнувшей и обновлённой, готовой к новому дню размеренного, предсказуемого существования. Сегодня же я проснулась переполненной чуждыми, почти болезненными чувствами. Я ощущаю набухание груди — они стали тяжелее, чувствительнее, и ткань моего платья трёт соски так, что каждое движение отзывается дрожью. Я ощущаю пульсацию между ног — настойчивую, тёплую, влажную. Я сжимаю бёдра — крепко, до лёгкой боли, — отчаянно пытаюсь остановить эту странную, глубокую тоску, но сжатие только усиливает её. Меня учили с раннего детства, что импульсам нельзя доверять. Импульсы — это наследие животных предков, от которого мы должны были избавиться. До Нового Рассвета, как нам рассказывали, люди умирали от совокуплений — от болезней, от насилия, от безумия, которое охватывало их, когда они следовали за своими низменными желаниями. Я не желаю участвовать в таких варварских действиях. И всё же, даже когда моя голова кричит «нет», моё тело шепчет «да» — и этот шёпот становится всё громче. Но у дикаря, кажется, другие планы на меня — включая, по-видимому, намерение бить меня до тех пор, пока я не сломясь и не подчинюсь.

Он кладёт один свой большой палец — шершавый, с твёрдой мозолью на подушечке — мне под подбородок и мягко, но непреклонно поднимает мои глаза к своим. Его кожа пахнет дымом, кожей и чем-то пряным, чужим. «Нам сегодня предстоит многое сделать, Карина, — говорит он, и в его низком голосе слышится спокойная уверенность человека, привыкшего, чтобы его слушались. — У меня к тебе много вопросов, и ты должна ответить на них все, без утайки. Но сначала тебя нужно подготовить к дню и хорошо накормить. Ты почти ничего не ела вчера».

Я всё ещё сижу у него на колене — он не отпустил меня после наказания, — и мне хочется немедленно встать, отодвинуться, восстановить дистанцию. Под моей ноющей, горячей после шлепков задницей я чувствую невероятную силу его ног — стальные мышцы перекачиваются

под кожей при каждом его малейшем движении. Его мускулистые, мощные бёдра кажутся мне твёрже каменных плит Института. Рядом с моей грудью, почти прижимаясь к ней, я ощущаю его торс — твёрдый, горячий, с каждым вдохом расширяющийся и прижимающий меня к себе ещё теснее. Его руки, обнимающие меня, внушительны — каждая размером с мою голову, а предплечья переплетены венами и сухожилиями, как у существ с доисторических картинок, которые нам показывали на запрещённых уроках. Даже его голос и осанка властны — он занимает пространство так, будто весь этот мир создан для него одного. Вчера я ещё могла видеть в нём просто дикаря, грубого и опасного, и могла мыслить ясно, холодно, почти с отвращением. Сегодня же моё тело предало меня. Оно жаждет быть тронутым им — и эта жажда растёт с каждой секундой, с каждым его медленным вдохом. Желание внутри меня разрастается, как пламя на ветру, грозя лишить меня рассудка и превратить в ту самую животную самку, о которой нас предупреждали. Я всерьёз задаюсь вопросом: не зачаровал ли он мой сон каким-то запретным способом? Не влил ли мне в рот какого-то зелья, пока я спала?

Когда я проснулась сегодня утром — резко, с колотящимся сердцем и влажным телом — меня охватила ярость. Ярость от незнакомых, грязных мыслей и чувств, которые завладели моим телом без спроса. Я позволила своему страху — и этому новому, пугающему голоду — управлять моими поступками. Я нагрубила ему, попыталась ударить, закричала. И теперь я сожалею, что заслужила дальнейшее наказание по его варварскому обычаю. Моя задница до сих пор горит, и каждое движение напоминает мне о том, что здесь, в этом мире, действуют его законы, а не мои. Теперь я буду сотрудничать с ним, чего бы мне это ни стоило. Буду держать голову холодной, даже если тело пылает.

Он тянется через меня — я чувствую жар его обнажённой руки у своего лица — и поднимает маленький серебряный колокольчик, стоящий на столе рядом с тарелками. Колокольчик искусно выточен, его поверхность покрыта тонкой резьбой, которую я замечаю только сейчас. Он звонит им. Звук нежный, чистый и протяжный — такой, от которого по коже бегут мурашки. Он напоминает мне звук сигнальных трубок на Фреаноссе, но те были резкими, механическими, а этот — живой и тёплый. Мне хочется услышать его снова. Я никогда раньше не слышала ничего подобного до прошлой ночи.

«Позвони ещё», — говорю я, и мой голос звучит слишком поспешно, почти жалобно.

Он приподнимает бровь — медленно, насмешливо. Я вижу, как меняется выражение его лица: лёгкая улыбка исчезает, уступая месту спокойному, испытующему вниманию. Я понимаю свою ошибку по его мгновенно изменившейся позе — он слегка откидывается назад, и его рука на моей талии становится тяжелее. Я торопливо исправляюсь: «Пожалуйста», — добавляю я, чувствуя, как горит лицо. — «Позвони ещё?»

С лёгкой, почти снисходительной улыбкой он качает головой — один раз, медленно, как учитель, объясняющий прописные истины нерадивому ученику. «Один звонок означает, что я зову слуг, — говорит он терпеливо. — Два заставит их бояться, что они разгневали меня. А если я зову их, а они не приходят быстро, я считаю это непослушанием. Мои люди верны мне, и никто из них ещё не заслужил моей немилости, поэтому я не стану звонить второй раз. Не сегодня».

Я хмурюсь, обдумывая его слова. Его слуги подчиняются его приказам — в этом нет ни малейшего сомнения. Но подчиняются ли они из любви или из страха? Достаточно ли он жесток, чтобы держать в узде сотни людей? Или достаточно мудр? Я не могу разобрать его по лицу — оно снова стало спокойным и непроницаемым.

«Сколькими слугами ты повелеваешь?» — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно, без дрожи.

Он становится серьёзным — его лицо темнеет, глаза сужаются. «Несколькими сотнями, малютка, — отвечает он после короткой паузы. — Хотя, если быть точным, всё королевство

подчиняется мне. Каждый мужчина, каждая женщина, каждый ребёнок от этого побережья до гор на востоке знает моё имя и следует моим законам».

Я сглатываю — горло пересыхает мгновенно, язык будто прилипает к нёбу. Какие у меня будут средства к бегству, если целые легионы этих дикарей подчиняются ему беспрекословно? Если стоит ему лишь крикнуть — и сотни рук схватят меня, прежде чем я сделаю хоть шаг?

«Если ты правишь всей своей нацией, — произношу я медленно, подбирая слова, — то почему же ты позволил прийти кругу женщин? Зачем этот ритуал с выбором, если ты мог просто взять ту, которую хотел, без всяких церемоний?»

Он улыбается — и эта улыбка снова меняет его лицо до неузнаваемости. Когда он улыбается, его тёмные, почти чёрные глаза становятся немного светлее — в них появляются золотистые искры. Его тяжёлые, нависающие брови поднимаются и теряют суровость, а глубокие линии вокруг рта разглаживаются, делая его моложе и странно привлекательнее. Несмотря на его дикарский вид — полную, небритую уже несколько дней бороду, полуголое тело, прикрытое только мягкими складками кожаных штанов, что сидят на его бёдрах так низко, что я вижу твёрдые мышцы низа живота — несмотря на всё это, я ловлю себя на том, что мне хочется придвинуться к нему ещё ближе. Во мне живёт какое-то загадочное, необъяснимое влечение, которое сильнее моего разума, сильнее моего воспитания. «Круг был древним ритуалом, Карина, — терпеливо объясняет он, и его голос звучит мягче, почти ласково. — Традицией, которую чтят мои предки много поколений. Я не мог отменить её просто потому, что мне так захотелось». Он замолкает, и его улыбка медленно тает, как утренний туман под солнцем. Его лицо становится серьёзным, почти мрачным. «А что касается выбора той, которую я хотел?» — Он смотрит мне прямо в глаза — глубоко, пронзительно, так, что мне кажется, он видит всё, что я пытаюсь спрятать. — «Именно это я и сделал».

Я моргаю — один раз, другой. Мои ресницы трепещут, как крылья пойманной бабочки. Я не знаю, как лучше ответить ему, какие слова могут быть правильными в этой ситуации. Моё сердце колотится так быстро, что я слышу его стук в ушах, чувствую его пульсацию в кончиках пальцев. Моё дыхание становится поверхностным, прерывистым — каждый вдох даётся мне с трудом, будто воздух вокруг стал гуще.

Раздаётся тихий, почтительный стук в дверь — три коротких удара. Его слуги пришли выполнить его волю. Я слышу шёпот за дверью, шарканье ног, звон металла — возможно, они несут воду или еду.

Похоже, теперь и я буду делать то же самое. Похоже, мне придётся научиться выполнять его волю — так же быстро и так же молча, как и они.

* * *

Моя вторая трапеза с дикарём — или, точнее, моя первая сознательная попытка поесть в его присутствии — наступает гораздо раньше, чем я ожидала. Прошло, возможно, не более часа после утренних событий, а нас уже снова усадили за длинный деревянный стол, покрытый грубой, но чистой тканью. Впервые в своей жизни я сижу на очень ноющей, горячей заднице. Каждое малейшее движение — даже лёгкий поворот корпуса — отдаётся тупой, пульсирующей болью в тех местах, которых никогда раньше не касалась рука другого человека. Я никогда не испытывала наказания, подобного тому, что устроил мне этот варвар. Детей на Фреаноссе учат послушанию в контролируемой, стерильной среде Института, где нет места крикам, побоям или унижениям. Их потребности методично удовлетворяют нянечки — назначенные женщины средних лет в одинаковых серых комбинезонах, которые кормят, одевают и обучают малышей с холодной, почти механической заботой. Я знала с самого раннего детства, что нельзя нарушать правила. Нарушителей не били — их просто убирали из общих комнат и на несколько дней лишали привилегии общения с другими детьми. Но такие случаи были очень редки — может быть, один-два в год на весь Институт. Мы никогда не узнавали, что случилось с теми, кто ослу-

шался во второй или третий раз, — их имена исчезали из списков, и мы быстро забывали о них. Но это не имело значения. Поскольку само непокорство методично искоренялось из популяции поколение за поколением, мы постепенно стали по-настоящему развитым, цивилизованным народом. Нам объясняли, что мы генетически спроектированы так, чтобы ценить единообразие нашего поколения, а единообразие, в свою очередь, порождает естественное послушание. По крайней мере, меня так учили каждый день на протяжении всех моих двадцати трёх лет. До сегодняшнего утра я ни разу не сомневалась в этой истине.

Моё настойчивое желание проверять дикаря и установленные им границы удивляет даже меня саму. Я всегда считала себя разумной, рассудительной, способной к компромиссу. Хотя я никогда не была особенно боязливой или легко запугиваемой — во мне всегда жила какая-то скрытая искра непокорства, — я никогда не была и откровенно непослушной. Я умела подстраиваться, улыбаться, ждать своего часа. Даже моё прибытие сюда — на эту дикую, незнакомую планету — было официально санкционировано командующим лейтенантом Фреаносса, который лично подписал мои документы и пожелал мне удачи. Я не бунтарка. Я дисциплинированный, образцовый член общества. Так почему же сейчас, сидя на этом жёстком стуле перед огромным варваром с властными руками, я чувствую непреодолимое желание сказать ему «нет» просто потому, что он ждёт от меня «да»?

Я наблюдаю за дикарём, пока он ест. Он делает это с какой-то первобытной, почти звериной грацией — неторопливо, но основательно. Сделав первый глоток белой жидкости из серебряного кубка — молоко, как я поняла, хотя оно гораздо жирнее и слаще того, что давали нам в Институте, — он откусывает изрядный кусок какой-то пористой, золотистой пищи, похожей на хлеб, но более влажной и тяжёлой. Его челюсти работают мощно и ритмично, пальцы уверенно сжимают еду, и я невольно заворуженно слежу за каждым его движением. Я смотрю на него настороженно, косясь одним глазом, как пойманная птица, а он краем глаза замечает мой взгляд и медленно приподнимает одну бровь. «Я уже поел, — говорит он спокойно, махнув широкой ладонью в сторону моей тарелки. — Теперь можешь есть ты. Приступай, пока еда не остыла».

Я не уверена, как правильно себя кормить здесь. У них такой странный, негигиеничный метод — они берут еду руками, пачкают пальцы, роняют крошки. Я тоскую по чистому, рациональному методу Фреаносса — по питательным пастам из тюбиков, по стерильным приборам, по привычному отсутствию запахов. Я смотрю на еду, но не чувствую голода. Или чувствую, но отказываюсь признавать это. Я качаю головой — один раз, резко, почти вызывающе. И даже в тот самый момент, когда моя голова совершает это движение, я осознаю, что делаю это не просто потому, что не хочу есть. Во мне живёт что-то глубокое, древнее, что откликается на его суровую, властную натуру. Словно сопротивляться ему — это не просто каприз, а жизненная необходимость. Словно в этом сопротивлении, в этом маленьком «нет», брошенном в лицо огромному дикарю, заключается что-то важное для меня самой.

Я ёрзаю на стуле, и моя ноющая задница напоминает мне о последствиях моего предыдущего непослушания. Я смотрю на него — и вижу, как его лицо медленно меняется. Сначала лёгкое недоумение, затем тень раздражения, а потом — что-то более опасное: спокойное, предупреждающее внимание. Он хмурится. Одна его бровь приподнимается выше другой. Он медленно — очень медленно, как хищник, который не торопится, потому что знает, что жертва никуда не денется — откладывает свою еду в сторону и целенаправленно, тяжело смотрит на меня. Моё сердце внутри начинает биться быстрее — короткими, резкими толчками. Это страх? Да, но не только. В глубине моего живота разливается странное тепло, и пульсация между ног становится острее, настойчивее. Может быть, это первобытное влечение к опасности? То самое, о котором нас предупреждали воспитательницы на Фреаноссе, называя его «ложным инстинктом выживания»?

Я сглатываю — и снова горло пересыхает мгновенно. Он наклоняется ко мне через стол, сокращая расстояние между нами. Его голос, когда он начинает говорить, низкий и глубокий, как дальний раскат грома перед бурей.

— Карина, — произносит он, и в этом единственном слове звучит целое предупреждение. — Я не буду повторять дважды. Ешь.

«Малютка, — говорит он. — Ты должна принимать пищу. Авалер отличается от Фреаносса, и те, кто не ест, становятся слабыми». Он делает паузу, его глаза темнеют, и он протягивает большую руку к моему обнажённому бедру, массируя. «И ты знаешь, чего я жду, когда приказываю тебе что-то сделать».

Пульсация между бёдер усиливается от его прикосновения и суровых слов. Он так сильно отличается от мужчин Фреаносса. В наших попытках продвинуть единообразие ярко выраженные мужские черты смягчили, и они больше не контрастируют так резко с женскими, как когда-то. Я никогда не видела таких больших рук, такой силы тела, такой огромности. Одно его присутствие властно, низкий тембр голоса захватывает.

Даже сейчас, сидя на наказанной заднице, я почти готова подтолкнуть его ещё немного. Я хочу чувствовать эту пульсирующую, почти приятную дрожь глубоко в животе и между ног, когда он командует мной. Я глотаю, собирая мужество. Я облизываю губы. Когда я говорю, мой голос странно хриплый. «А если я решу не есть?» — спрашиваю я, притворяясь храброй и выпячивая подбородок. Я не готова намеренно послушаться. Мне просто нужно посмотреть, какова будет его реакция.

Его рука на моём бедре замирает, он с любопытством смотрит на меня мгновение. «Ты готова послушаться меня?» — спрашивает он. Послушаться. Это слово заставляет моё сердце сбиться с ровного ритма.

Я качаю головой. Я действительно не хочу снова испытать его гнев. «Был ли приказ, которому нужно следовать?» — спрашиваю я. «Ты просто сказал, что я могу есть».

Его губы подёргиваются, глаза весело поблёскивают. Он кивает. «Совершенно верно, — говорит он, и его рука медленно движется вверх по моей ноге. Я задыхаюсь. Пульсация между ног пульсирует сильнее. — Я не отдавал тебе приказа есть. Однако я желаю, чтобы ты это сделала». Нежно его пальцы скользят выше по моей ноге. Он выписывает мягкие круги на моей коже, и жар его ладони каким-то образом передаётся жару моего тела. Как такое может происходить? Я никогда раньше не испытывала таких позывов. Моё тело умоляет его двигаться дальше, продолжать то, что он делает, и не убирать руку. Теперь он так близко, его дыхание — едва слышной шёпот. «Ты подчинишься мне, Карина?» — спрашивает он низким рокотом. — Или мне снова уложить тебя к себе на колено?»

К моему шоку, моё сердце пропускает удар в груди, каким-то образом связанный с пульсирующей вибрацией, когда я ёрзаю. Я хочу, чтобы он касался меня больше, чтобы его рука скользнула под мою тунику. Маленький голос в глубине моего сознания шепчет: нет, это негигиенично, одно его прикосновение оскверняет меня, но наставляющие внутренние голоса постепенно становятся тише, поскольку первобытные позывы внутри меня заглушают их.

«Я подчинюсь тебе», — шепчу я. Но я не уверена, как. Мои руки дрожат. У меня кружится голова, когда я смотрю на стол перед собой. Я не знаю, что есть. Он убирает руку и берёт кусочек губчатого вещества, отрывая маленький кусочек. Он протягивает его мне, держа перед моим ртом. Послушно я открываю рот, и он нежно кладёт кусочек еды мне на язык. Внешность этой еды обманчива. На вкус она совсем не похожа на губку. Она мягкая и сладкая. Я хочу ещё.

«Пей своё молоко, — говорит он. — Кураби богато питательными веществами, и твоё тело усвоит их лучше, если запивать молоком».

Я поднимаю стакан, который он мне протягивает. Мутная белая жидкость так же чужда мне, как и почти всё в этой земле. Я поднимаю глаза к нему, и он ободряюще кивает. Я делаю глоток. Жидкость гладкая и насыщенная, сливочная и свежая. Это восхитительно. Затем он

берёт с блюда маленький круглый фрукт. Он не похож на тот, которым он кормил меня прошлой ночью. Этот — тёмно-красный, и кожица блестит в солнечном свете, струящемся из окна. Левой рукой он держит фрукт, а правой берёт нож и отрезает для меня дольку. Я поджимаю губы и шурю. Должно быть, моя реакция кажется ему забавной, потому что он усмехается.

«Очень хорошо, — говорит он. — Он и сладкий, и кислый, но ты была достаточно храбра, чтобы попробовать то, что было тебе незнакомо. Хорошая девочка».

Я удивлена своей реакцией. Я перестала быть ребёнком несколько лет назад, когда мне исполнилось восемнадцать. Я не хочу, чтобы обо мне думали как о ребёнке. Но когда он выражает одобрение тому, что я сделала, мне странно приятно. Я мягко улыбаюсь и продолжаю есть маленькими кусочками кураби, фрукты и молоко. Спустя некоторое время я больше не хочу.

«Ты наелась, малютка?» — спрашивает он. Я киваю, кладя руки на колени.

«Тогда я велю слугам убрать наши тарелки». Он мягко улыбается. «Ты готова снова услышать колокольчик?»

Я нетерпеливо киваю. Он усмехается и звонит. Мгновение спустя прибывают слуги и убирают остатки нашей трапезы. Листава стоит в дверях, руководя остальными, которые входят с опущенными головами и поспешно исполняют волю короля. Я предполагаю, что она, должно быть, что-то вроде главной служанки. Она поворачивается к дикарю. «Мой господин, не желаете ли вы, чтобы я принесла что-нибудь для вашей невесты?»

Невеста. Это странное слово, и я не совсем уверена в его значении, по крайней мере, в этой земле. Почему он так странно посмотрел на меня? По его лицу пробегает выражение, когда он оглядывает меня, но он быстро прогоняет его и обращается к ней. «Нет, спасибо, — говорит он. — Я раздобыл ей одежду и всё, что ей понадобится сегодня. Скоро я отведу её на рынок. Позже я встречу со своими командующими офицерами. Но до тех пор нам нужно посетить несколько мест, и я хочу, чтобы она попробовала товары Авалера».

Я стою, и я вижу, как её взгляд падает на подол моего платья. Она приподнимает брови, но быстро отворачивается от него и кивает, выходя. «Как пожелаете, мой господин».

Она уходит. Я удивляюсь её веселью, но затем вспоминаю следы его наказания на моей заднице и ногах. Без сомнения, она их видит. То, что он ведёт меня на рынок, вероятно, имеет двойную цель: и похвастаться мной как своей собственностью, и показать мне свою родную землю. Я хмурюсь, не желая, чтобы меня выставляли напоказ его народу.

«Что ты хочешь, чтобы я надела?» — спрашиваю я, и в моём голосе слышится нетерпение.

Он слышит это и хмурится, но не отвечает, отходя от стола к деревянному гардеробу, стоящему у стены в ногах кровати. Он открывает одну дверцу, и я ахаю от того, что вижу. На деревянных колышках висят маленькие простые туники, множество ярких оттенков синего. «Синий подходит к цвету твоих глаз, и это цвет короля», — говорит он, снимая одежду. Она короткая, похожа на тунику, что на мне сейчас, и выглядит хрупкой в его больших руках.

Он подходит к ногам кровати и садится. «Иди сюда, Карина», — говорит он своим низким голосом.

В том, что мне приказывают подойти к нему, есть что-то, заставляющее меня смотреть на него застенчиво. Почему его властная натура творит с моим телом такие непредсказуемые вещи? Я волочу ноги к нему, потому что начала бояться того, что сделает моё тело, когда я приближусь. Но я должна подчиниться ему. Он нетерпелив, и я боюсь, что уже достаточно испытала его терпение. Когда я оказываюсь на расстоянии вытянутой руки, он кладёт руки мне на бёдра и притягивает меня между своих ног. Тепло его ног прижимается к внешней стороне моих. Его глаза разгорячены, он почти хмурится, но не совсем. Я тянусь к платью. Оно переливается, отражая свет, льющийся из окна, прекрасного ярко-синего цвета. Я не удивлена длиной и весом — лёгкое и воздушное, так как дневная жара уже начала подниматься. Мне интересно, что оно прикроет.

«Нет, Карина, — укоряет он. — Моя обязанность — одевать тебя».

Мои руки инстинктивно скрещиваются на груди. Он увидит меня обнажённой? Он видел меня голой, только когда оголял мою задницу. Я дрожу. Какой у меня есть выбор, кроме как подчиниться? Соппротивление сейчас навлечёт на меня наказание. И часть меня — хотя я не хочу признавать этого и не признаюсь ему — хочет быть обнажённой перед ним. Его глаза прикованы к моим, без сомнения, наблюдая за моей реакцией на его приказ. Я уже знаю, что он готов наказать меня, если я ослушаюсь.

«Раскрести руки, пожалуйста», — говорит он. Я глотаю, медленно подчиняясь, дрожа от потери защиты, которую ощущала со скрещёнными руками. Он кладёт одну большую тёплую ладонь мне на поясницу и притягивает меня ещё ближе, так что мы почти обнимаемся. Когда я оказываюсь рядом, он двигает руку выше, так что теперь сжимает мою шею сзади. Он пропускает пальцы сквозь мои волосы. Моё сердце грохочет так, что я едва слышу свои мысли, его близость опьяняет. Мне нравится его запах, хотя я не могу его описать. Он пахнет чистотой, силой и могуществом. С рукой на моей шее он наклоняется ко мне, приближая моё лицо так близко, что я вижу глубину его тёмных глаз, и я понимаю, прямо перед тем, как наши губы встречаются, что он собирается сделать. Я начинаю отстраняться, напуганная встречей наших ртов, но его хватка становится твёрже, почти настойчивой на моей шее, и я не могу не позволить ему сделать по-своему.

Я не знаю, чего ожидать, но контраст его острых усов и мягких губ заставит меня врасплох. Его рот тёплый и мягкий, губы полные и нетерпеливые. Хотя я не знаю, как реагировать, моё тело отвечает само собой. Мои колени слабеют. Я благодарна, что он поддерживает меня своими ногами. Я не уверена, что устояла бы на ногах.

Мой пульс учащается, тепло разливается от верхней части груди до самых ступней. Пульсация между бёдер усиливается, когда одна его рука держит мою шею, а вторая поднимает край туники и накрывает мою голую задницу, жжение от прикосновения странно желанно. Он продолжает целовать меня, его рот движется по моему, и я начинаю отвечать, не понимая, что делаю. Я чувствую и слышу его ответный рык.

Спустя мгновение он отрывает свой рот от моего. «Не пытайся больше отстраняться от меня, Карина, — наставляет он. — Ты моя, и я буду делать с тобой, что пожелаю. Могу ли я предположить, что ты никогда не целовала мужчину, и тем более не совокуплялась?»

«Малютка, — говорит он. — Ты должна принимать пищу. Авалер отличается от Фреаносса, и те, кто не ест, становятся слабыми». Он делает паузу, его глаза темнеют, и он протягивает большую руку к моему обнажённому бедру, массируя. «И ты знаешь, чего я жду, когда приказываю тебе что-то сделать».

Пульсация между бёдер усиливается от его прикосновения и суровых слов. Он так сильно отличается от мужчин Фреаносса. В наших попытках продвинуть единообразие ярко выраженные мужские черты смягчили, и они больше не контрастируют так резко с женскими, как когда-то. Я никогда не видела таких больших рук, такой силы тела, такой огромности. Одно его присутствие властно, низкий тембр голоса захватывает.

Даже сейчас, сидя на наказанной заднице, я почти готова подтолкнуть его ещё немного. Я хочу чувствовать эту пульсирующую, почти приятную дрожь глубоко в животе и между ног, когда он командует мной. Я глотаю, собирая мужество. Я облизываю губы. Когда я говорю, мой голос странно хриплый. «А если я решу не есть?» — спрашиваю я, притворяясь храброй и выпячивая подбородок. Я не готова намеренно ослушаться. Мне просто нужно посмотреть, какова будет его реакция.

Его рука на моём бедре замирает, он с любопытством смотрит на меня мгновение. «Ты готова ослушаться меня?» — спрашивает он. Ослушаться. Это слово заставляет моё сердце сбиться с ровного ритма.

Я качаю головой. Я действительно не хочу снова испытать его гнев. «Был ли приказ, которому нужно следовать?» — спрашиваю я. «Ты просто сказал, что я могу есть».

Его губы подёргиваются, глаза весело поблёскивают. Он кивает. «Совершенно верно, — говорит он, и его рука медленно движется вверх по моей ноге. Я задыхаюсь. Пульсация между ног пульсирует сильнее. — Я не отдавал тебе приказа есть. Однако я желаю, чтобы ты это сделала». Нежно его пальцы скользят выше по моей ноге. Он выписывает мягкие круги на моей коже, и жар его ладони каким-то образом передаётся жару моего тела. Как такое может происходить? Я никогда раньше не испытывала таких позывов. Моё тело умоляет его двигаться дальше, продолжать то, что он делает, и не убирать руку. Теперь он так близко, его дыхание — едва слышной шёпот. «Ты подчинишься мне, Карина? — спрашивает он низким рокотом. — Или мне снова уложить тебя к себе на колено?»

К моему шоку, моё сердце пропускает удар в груди, каким-то образом связанный с пульсирующей вибрацией, когда я ёрзаю. Я хочу, чтобы он касался меня больше, чтобы его рука скользнула под мою тунику. Маленький голос в глубине моего сознания шепчет: нет, это негигиенично, одно его прикосновение оскверняет меня, но наставляющие внутренние голоса постепенно становятся тише, поскольку первобытные позывы внутри меня заглушают их.

«Я подчинюсь тебе», — шепчу я. Но я не уверена, как. Мои руки дрожат. У меня кружится голова, когда я смотрю на стол перед собой. Я не знаю, что есть. Он убирает руку и берёт кусочек губчатого вещества, отрывая маленький кусочек. Он протягивает его мне, держа перед моим ртом. Послушно я открываю рот, и он нежно кладёт кусочек еды мне на язык. Внешность этой еды обманчива. На вкус она совсем не похожа на губку. Она мягкая и сладкая. Я хочу ещё.

«Пей своё молоко, — говорит он. — Кураби богато питательными веществами, и твоё тело усвоит их лучше, если запивать молоком».

Я поднимаю стакан, который он мне протягивает. Мутная белая жидкость так же чужда мне, как и почти всё в этой земле. Я поднимаю глаза к нему, и он ободряюще кивает. Я делаю глоток. Жидкость гладкая и насыщенная, сливочная и свежая. Это восхитительно. Затем он берёт с блюда маленький круглый фрукт. Он не похож на тот, которым он кормил меня прошлой ночью. Этот — тёмно-красный, и кожица блестит в солнечном свете, струящемся из окна. Левой рукой он держит фрукт, а правой берёт нож и отрезает для меня дольку. Я поджимаю губы и шурю. Должно быть, моя реакция кажется ему забавной, потому что он усмехается.

«Очень хорошо, — говорит он. — Он и сладкий, и кислый, но ты была достаточно храбра, чтобы попробовать то, что было тебе незнакомо. Хорошая девочка».

Я удивлена своей реакцией. Я перестала быть ребёнком несколько лет назад, когда мне исполнилось восемнадцать. Я не хочу, чтобы обо мне думали как о ребёнке. Но когда он выражает одобрение тому, что я сделала, мне странно приятно. Я мягко улыбаюсь и продолжаю есть маленькими кусочками кураби, фрукты и молоко. Спустя некоторое время я больше не хочу.

«Ты наелась, малютка?» — спрашивает он. Я киваю, кладя руки на колени.

«Тогда я велю слугам убрать наши тарелки». Он мягко улыбается. «Ты готова снова услышать колокольчик?»

Я нетерпеливо киваю. Он усмехается и звонит. Мгновение спустя прибывают слуги и убирают остатки нашей трапезы. Листава стоит в дверях, руководя остальными, которые входят с опущенными головами и поспешно исполняют волю короля. Я предполагаю, что она, должно быть, что-то вроде главной служанки. Она поворачивается к дикарю. «Мой господин, не желаете ли вы, чтобы я принесла что-нибудь для вашей невесты?»

Невеста. Это странное слово, и я не совсем уверена в его значении, по крайней мере, в этой земле. Почему он так странно посмотрел на меня? По его лицу пробегает выражение, когда он оглядывает меня, но он быстро прогоняет его и обращается к ней. «Нет, спасибо, — говорит он. — Я раздобыл ей одежду и всё, что ей понадобится сегодня. Скоро я отведу её

на рынок. Позже я встречусь со своими командующими офицерами. Но до тех пор нам нужно посетить несколько мест, и я хочу, чтобы она попробовала товары Авалера».

Я стою, и я вижу, как её взгляд падает на подол моего платья. Она приподнимает брови, но быстро отворачивается от него и кивает, выходя. «Как пожелаете, мой господин».

Она уходит. Я удивляюсь её веселью, но затем вспоминаю следы его наказания на моей заднице и ногах. Без сомнения, она их видит. То, что он ведёт меня на рынок, вероятно, имеет двойную цель: и похвастаться мной как своей собственностью, и показать мне свою родную землю. Я хмурюсь, не желая, чтобы меня выставляли напоказ его народу.

«Что ты хочешь, чтобы я надела?» — спрашиваю я, и в моём голосе слышится нетерпение.

Он слышит это и хмурится, но не отвечает, отходя от стола к деревянному гардеробу, стоящему у стены в ногах кровати. Он открывает одну дверцу, и я ахаю от того, что вижу. На деревянных колышках висят маленькие простые туники, множество ярких оттенков синего. «Синий подходит к цвету твоих глаз, и это цвет короля», — говорит он, снимая одежду. Она короткая, похожа на тунику, что на мне сейчас, и выглядит хрупкой в его больших руках.

Он подходит к ногам кровати и садится. «Иди сюда, Карина», — говорит он своим низким голосом.

В том, что мне приказывают подойти к нему, есть что-то, заставляющее меня смотреть на него застенчиво. Почему его властная натура творит с моим телом такие непредсказуемые вещи? Я волочу ноги к нему, потому что начала бояться того, что сделает моё тело, когда я приближусь. Но я должна подчиниться ему. Он нетерпелив, и я боюсь, что уже достаточно испытала его терпение. Когда я оказываюсь на расстоянии вытянутой руки, он кладёт руки мне на бёдра и притягивает меня между своих ног. Тепло его ног прижимается к внешней стороне моих. Его глаза разгорячены, он почти хмурится, но не совсем. Я тянусь к платью. Оно переливается, отражая свет, льющийся из окна, прекрасного ярко-синего цвета. Я не удивлена длиной и весом — лёгкое и воздушное, так как дневная жара уже начала подниматься. Мне интересно, что оно прикроет.

«Нет, Карина, — укоряет он. — Моя обязанность — одевать тебя».

Мои руки инстинктивно скрещиваются на груди. Он увидит меня обнажённой? Он видел меня голой, только когда оголял мою задницу. Я дрожу. Какой у меня есть выбор, кроме как подчиниться? Сопротивление сейчас навлечёт на меня наказание. И часть меня — хотя я не хочу признавать этого и не признаюсь ему — хочет быть обнажённой перед ним. Его глаза прикованы к моим, без сомнения, наблюдая за моей реакцией на его приказ. Я уже знаю, что он готов наказать меня, если я ослушаюсь.

«Раскрести руки, пожалуйста», — говорит он. Я глотаю, медленно подчиняясь, дрожа от потери защиты, которую ощущала со скрещёнными руками. Он кладёт одну большую тёплую ладонь мне на поясницу и притягивает меня ещё ближе, так что мы почти обнимаемся. Когда я оказываюсь рядом, он двигает руку выше, так что теперь сжимает мою шею сзади. Он пропускает пальцы сквозь мои волосы. Моё сердце грохочет так, что я едва слышу свои мысли, его близость опьяняет. Мне нравится его запах, хотя я не могу его описать. Он пахнет чистотой, силой и могуществом. С рукой на моей шее он наклоняется ко мне, приближая моё лицо так близко, что я вижу глубину его тёмных глаз, и я понимаю, прямо перед тем, как наши губы встречаются, что он собирается сделать. Я начинаю отстраняться, напуганная встречей наших ртов, но его хватка становится твёрже, почти настойчивой на моей шее, и я не могу не позволить ему сделать по-своему.

Я не знаю, чего ожидать, но контраст его острых усов и мягких губ заставит меня врасплох. Его рот тёплый и мягкий, губы полные и нетерпеливые. Хотя я не знаю, как реагировать, моё тело отвечает само собой. Мои колени слабеют. Я благодарна, что он поддерживает меня своими ногами. Я не уверена, что устояла бы на ногах.

Мой пульс учащается, тепло разливается от верхней части груди до самых ступней. Пульсация между бёдер усиливается, когда одна его рука держит мою шею, а вторая поднимает край туники и накрывает мою голую задницу, жжение от прикосновения странно желанно. Он продолжает целовать меня, его рот движется по моему, и я начинаю отвечать, не понимая, что делаю. Я чувствую и слышу его ответный рык.

Спустя мгновение он отрывает свой рот от моего. «Не пытайся больше отстраняться от меня, Карина, — наставляет он. — Ты моя, и я буду делать с тобой, что пожелаю. Могу ли я предположить, что ты никогда не целовала мужчину, и тем более не совокуплялась?»

Глава 4

Я ненадолго закрываю глаза. Внутри всё плывёт. Во рту пересохло от обсуждения таких вещей с ним — язык будто прилипает к нёбу, и каждое слово даётся с трудом. Я чувствую, как лёгкий, предательский румянец приливает к шее, поднимается выше, заливая щеки жаром, которого я не могу стыдиться, но и не могу объяснить. «Нет», — шепчу я, и этот шёпот звучит жалко, неуверенно. Он приподнимает бровь — одну, левую, и от этого жеста мне становится одновременно страшно и почему-то стыдно. «Нет, мой господин», — быстро поправляюсь я, и голос уже твёрже, хотя внутри всё дрожит.

Он медленно кивает. Очень медленно, словно даёт мне время осознать каждое его слово. «Твоя неспособность правильно обращаться ко мне будет позволена лишь недолго, маленькая. В следующий раз, когда ты забудешь, как меня называть, напомнить тебе об этом сможет лишь моя ладонь».

И снова этот колющий, обжигающий жар возбуждения между бёдер. Он возникает ниоткуда — от его голоса, от его взгляда, от того, как он сказал «моя ладонь». Я сжимаю ноги, пытаюсь унять эту пульсацию, но она только усиливается. Я киваю, не доверяя своему голосу. «Да, — запинаясь, отвечаю я. — Да, мой господин».

Что этот варвар сделал со мной за столь короткое время? Ещё вчера я была хозяйкой своей судьбы, женщиной, которая сама принимала решения. А теперь? Я послушно подчиняюсь ему, больше не независимая и отстранённая женщина из Фреаносса, а слабая, беспомощная самка, которая трепещет перед каждым его словом. Меня тошнит от моего падения в варварские обычаи, хотя у меня почти не было выбора. Бороться с ним значило бы только навлечь наказание — и худшее, чем то, что я уже испытала. Я знаю это. Я чувствую это каждой клеткой своего тела.

Он отстраняется — всего на несколько дюймов, но этого хватает, чтобы воздух между нами стал холодным и чужим. Тыльной стороной пальца он гладит меня по щеке, и это прикосновение такое неожиданно нежное, что у меня перехватывает дыхание. Он смотрит мне прямо в глаза, и я не могу отвести взгляд. «Я не терпеливый человек, Карина», — говорит он своим низким голосом, и этот голос вибрирует где-то глубоко во мне, отзываясь в костях.

У меня перехватывает дыхание. Я киваю, потому что не могу вымолвить ни слова.

Его взгляд скользит ниже по моему лицу — по губам, по подбородку, по шее, — и он обеими руками берётся за подол моего платья. Пальцы у него горячие, даже через ткань я чувствую этот жар. «Я раздену тебя сейчас, — поясняет он, и в его голосе нет ни вопроса, ни сомнения. — И ты не будешь возражать или останавливать меня».

Я киваю, удивляясь, что вообще способна пошевелиться. Мои мышцы словно окаменели, но голова идёт кругом. Он заворожил меня. Настоящее колдовство — иного объяснения нет.

Он кивает, и тут же холодный воздух касается тела, когда тунику снимают. Подол поднимается выше моих ягодиц — я чувствую, как мурашки бегут по коже, — затем до поясницы. Мне хочется натянуть её обратно и убежать от него. Прямо сейчас. Сорваться с места и бежать, не разбирая дороги. Но ноги не слушаются. Что он подумает обо мне, увидев голой? Что, если ему не понравится то, что он увидит? Если женщины на Авалере — всего лишь собственность, а он их господин и правитель, что случится, если я ему не понравлюсь? Отвергнет ли он меня и обменяет на другую, как надоевшую вещь?

И почему мне вдруг стало страшно? Почему я боюсь не боли, не наказания, а его rejection? Боюсь, что он посмотрит на меня и отвернётся? Разве я не хочу сбежать от него? Разве не об этом я молилась прошлой ночью?

Эти и другие мысли проносятся в моей голове, словно листья, гонимые ветром в осеннем лесу — хаотично, беспорядочно, неостановимо. Я не могу их удержать или остановить. Вме-

сто этого я сосредотачиваюсь на том, чтобы замереть и подчиниться. Тунику стягивают через голову, и я закрываю глаза, задыхаясь от страха и предвкушения, когда вся одежда снята. С закрытыми глазами я слышу лишь шелест ткани — она падает на пол с тихим шорохом, — и то, как он меняет положение своего крупного тела, притягивая меня ближе. Пахнет от него деревом, потом и ещё чем-то диким, неуловимым. Наступает тишина — такая глубокая, что я слышу биение собственного сердца, — и я оказываюсь полностью обнажена.

«Открой глаза, красавица», — говорит он тихим, но властным шёпотом. Красавица. Он назвал меня красавицей? Сердце пропускает удар, потом бьётся с утроенной силой. С трудом сглотнув, глубоко вдыхая для храбрости (воздух холодный, горьковатый), я подчиняюсь.

Его взгляд задерживается на моём лице одну долгую минуту — я чувствую его вес, его давление, — он кивает, одобряя моё послушание, а затем опускается ниже. Медленно. Очень медленно. Рассматривает каждый изгиб моего тела так, будто я — карта неведомой земли, которую он намерен завоевать. Он сглатывает — я вижу, как движется кадык. Я ёрзаю, чувствуя себя неловко под его взглядом, и мои руки непроизвольно дёргаются, чтобы прикрыть грудь, но он перехватывает мои запястья одним движением.

— Нет, — тихо говорит он. — Не прячься.

Он поднимает руку и проводит пальцем от плавного изгиба плеча вниз по груди до самой выпуклости груди. Нежно — удивительно нежно для таких грубых рук — он обводит её, и мои соски твердеют от этого прикосновения быстрее, чем я успеваю это осознать. Затем он кладёт обе руки мне на спину, притягивая к себе. Его тёплый, щетинистый рот касается моей кожи, и он целует сначала одну грудь, затем другую. Губы у него шершавые, но нежные одновременно. К моему шоку, я чувствую тепло его языка, начинающего кружить вокруг груди, и когда он достигает моего затвердевшего соска, его язык легко скользит по краю. Его язык мягче и теплее его пальцев. Намного мягче. Намного теплее. Я задыхаюсь от внезапной остроты ощущений между бёдер — там становится влажно, горячо, невыносимо, — и я сжимаю ноги, пытаюсь унять этот пульсирующий жар. Он нежно сжимает мой сосок зубами — совсем легонько, но этого достаточно, чтобы мир перед глазами пошёл рябью. Я задыхаюсь от этого ощущения, его глаза прожигают меня насквозь, когда он берёт меня полностью в рот и сосёт. Моя голова откидывается назад, и я стону — громко, неприлично громко, — не в силах вынести силу своего желания. Он кладёт обе руки на мои голые ягодицы, всё ещё пульсирующие от наказания, и мучает меня чередованием укусов и лизаний моего соска. Я не могу говорить. Я не могу думать. Я только чувствую. Что это за колдовство? Какая сила заставляет моё тело отвечать ему так, как оно не отвечало никому и никогда?

Он отпускает мою грудь. К моему шоку, я издаю маленький, жалкий стон разочарования — звук, который я не планировала издавать, который вырывается из меня помимо моей воли. Но он отпустил меня лишь затем, чтобы сосредоточиться на другой стороне. Снова сладкая, соблазнительная попытка его зубов и языка, пока он держится за мои ноющие ягодицы. Между моих ног всё горит — настоящий пожар, и я чувствую, как влага пропитывает мои бёдра. И хотя это противоречит всем моим убеждениям, всему, чему меня учили с детства, я знаю, что мне нужно, чтобы он коснулся меня там. Если он не сделает этого, я не знаю, как выдержу. Знает ли он, что я хочу, чтобы он коснулся меня? Догадывается ли? Чувствует ли?

Его рот касается голой кожи моего живота — горячий, влажный, требовательный. Его язык высовывается и лижет меня, а он бормочет хриплым низким голосом: «Такая сладкая, — шепчет он. — Ты такая красивая. Я хочу тебя сожрать».

Сожрать меня? Моё сердце колотится где-то в горле, когда его язык снова высовывается и лижет меня — медленно, со вкусом, — затем его рот открывается, и зубы кусают мой бок. Не больно, но ощутимо — граница между болью и удовольствием стирается. Я задыхаюсь от вспышки боли, за которой быстро следует тепло и всё растущее, неудержимое возбуждение. Причинит ли он мне боль? Настоящую? И почему меня это больше не пугает? Хотя моё тело

жаждет ещё его прикосновений, я дрожу от нервов — крупная дрожь проходит от позвоночника до кончиков пальцев. Я отстраняюсь от него — рефлекторно, не думая, — но он держит меня крепко, всасывая место, которое только что укусил. Я задыхаюсь, хватая ртом воздух, пока моё тело заморожено его прикосновениями. Он отпускает меня. Я опускаю взгляд и поражаюсь маленьким красным следам, которые он оставил на моей коже. Он дикарь. Животное. Так почему же моё тело — предательское, слабое, чужое — прижимается к нему ближе в надежде на ещё больше сладкой, соблазнительной пытки?

Его прикосновение опускается ниже, и когда он садится на кровать — матрас прогибается под его весом, пружины тихо скрипят, — его пальцы исследуют, одна рука всё ещё сжимает мою талию (его пальцы почти смыкаются вокруг неё, такие они длинные и сильные), а другая раздвигает тепло моего внутреннего бедра. Я напоминаю себе, как дышать: вдох, выдох, вдох. Я не знаю, что он сделает дальше. Я полностью уничтожена — разобрана на части, как старая кукла.

Его рука поднимается выше по бедру, так что верхняя часть его руки едва касается моего лона. Я закрываю глаза. Это распутно. Нецивилизованно. Так неправильно. Моя мать умерла бы от стыда, если бы увидела меня сейчас. Но сейчас я не смогла бы остановить его, даже если бы захотела. Он щипает и сжимает моё бедро — сильно, почти больно. Из моих губ вырывается почти рыдание желания — низкое, гортанное, чужое. Его взгляд быстро взлетает к моему.

«Хочешь, чтобы я коснулся тебя, маленькая?» — спрашивает он, и в его голосе я слышу не вопрос, а утверждение. Он знает ответ. Он просто хочет услышать его от меня.

Зачем он меня спрашивает? Он уже касается меня. Это его прикосновение уничтожило меня, стёрло все границы, все «нельзя». Я не могу говорить. У меня нет слов — они рассыпались, как песок сквозь пальцы. Я в его власти. Полностью. С трудом сглотнув (горло сухое, как пустыня), я киваю. Один раз. Резко. Я должна почувствовать, как он касается меня ещё. Я умру, если он остановится.

Он серьёзно кивает — без улыбки, без насмешки. «Держись за мои плечи», — говорит он.

Я подчиняюсь, мои руки обвивают его широкие, твёрдые, как камень, мускулистые плечи. Кожа у него горячая, под пальцами я чувствую шрамы — старые, гладкие, и новые, ещё не до конца зажившие.

Одной рукой он сжимает мои ягодицы — тепло его ладони обхватывает боль, которую он причинил, но это прикосновение почему-то желанно, оно успокаивает, хотя и не перестаёт жечь. Другая его рука движется от внутренней стороны бедра всё выше. «Ты гладкая, — говорит он, и в его голосе звучит удовлетворение. — Гладкая и красивая».

Какая странная вещь, думаю я. Меня бреют и удаляют волосы с тех пор, как я достигла зрелости — это традиция нашего дома, признак чистоты и благородства. Похоже, дикарю это нравится. И почему-то от того, что ему нравится, мне становится теплее.

Один палец движется выше. Я делаю неглубокие, прерывистые вдохи — воздух со свистом проходит сквозь сжатое горло. Его палец так близко, так мучительно близко к тому месту, где я хочу его. Где всё горит и пульсирует. Когда его палец наконец погружается между моими складками, мои колени подкашиваются — я чудом не падаю, держась за его плечи. Я превратилась в сплошной нерв, в одну огромную точку соприкосновения, пока его нежное, но твёрдое прикосновение кружит вокруг моего лона. Сладкое, блаженное, мучительное ощущение поглощает меня без остатка, я сосредотачиваюсь только на его прикосновении, только на его ласке. Я знаю, что мне нужно больше. Что-то ещё. Что-то за пределами этого. Что случится, если он будет продолжать касаться меня? Я боюсь этого и хочу этого одновременно. Его ровный ритм усиливается, теперь он движется быстрее. Моё сердце ускоряется до безумия, я забываю дышать, сила его плеч подо мной — единственное, что удерживает меня на ногах, моя грудь прижимается к его голове, моя потребность растёт с каждым движением его руки.

«Тебе это нравится, Карина?» — шепчет он, его голос звучит как хриплый, горячий выдох прямо в мою грудь.

«Ммм», — стону я, неспособная на coherent мысли или слова. Это единственное, что я могу выдать из себя.

Его рука останавливается.

Нет.

Он не может остановиться сейчас. Не имеет права. Я не знаю, что случится, когда он продолжит — может быть, я умру, может быть, мир рухнет, — но я знаю точно: он не должен останавливаться. Нет. Нет, этого не может быть. Что он со мной делает? Почему мучает меня так жестоко?

Он садится прямо — резко, решительно — и убирает мои руки со своих плечей, словно я провинившийся ребёнок. Его глаза серьёзно смотрят на меня, без тени веселья, без намёка на жалость. «Пришло время одеть тебя», — настаивает он.

«Нет, — шепчу я, качая головой, придвигаясь ближе к нему, практически повисая на нём. — Пожалуйста».

«Не сейчас, — говорит он, и его глаза суровы, они впиваются в меня, словно бросая вызов: осмелюсь ли я послушаться? — Ты должна делать, что тебе говорят».

Он не может остановиться сейчас! Как он смеет! Во мне бурлит злость — горячая, иррациональная, почти звериная. «Ты должен, — настаиваю я, прижимаясь к нему всем телом, словно это может заставить его коснуться меня снова. — Если ты не... не коснёшься меня... мне нужно, чтобы ты коснулся меня!» Я зла — зла так, как никогда в жизни, — моя потребность так сильна, что мне хочется ударить его, укусить, сделать больно. «Если ты не коснёшься меня, я сделаю это сама!»

Я шокирована словами, сорвавшимися с моих губ, — они звучат в моей голове снова и снова, и я не могу поверить, что это сказала именно я. Но я почти в исступлении от желания, в лихорадке, которая не спадает, а только растёт.

Его глаза темнеют. Становятся почти чёрными. Он тянется к моим волосам, сжимая прядь в своей сильной руке, оттягивая назад так, что колючая боль покалывает кожу головы. «Ты не посмеешь, — приказывает он, и в его голосе железо. — Твоё тело принадлежит мне, и только мне. Ты отказалась от права доставлять себе удовольствие, когда стала моей. Я владею каждым дюймом тебя, от маленьких ресниц, обрамляющих твои глаза, до изгиба твоих бёдер, до вершины твоих бёдер, до пальцев твоих ног. Твоё удовольствие — в моей власти. Я твой господин. Каждого дюйма тебя».

Я громко стону — это не стон, это почти крик. Я умру от желания внутри меня и его отказа удовлетворить мои потребности. Его хватка на моих волосах усиливается — ещё чуть-чуть, и я заплачу от боли. Я вскрикиваю, но он держит крепко и продолжает: «Если будешь подчиняться моим приказам и вести себя хорошо, настанет время, когда я доведу твоё удовольствие до конца, — говорит он, его голос резок, почти зол, но я чувствую под этой резкостью что-то ещё. Что-то похожее на обещание. — Но до тех пор ты будешь делать, что тебе велят».

Он ждёт моего ответа. Я чувствую, как время тянется, как капля смолы. Мне хочется ударить его, врезать коленом в пах, оттолкнуть руку, держащую меня за волосы. Я даже на мгновение обдумываю эту мысль — представляю, как делаю это, — прежде чем отбросить её. К чему приведёт моё насилие против него? Он сильнее и крупнее — намного сильнее, намного крупнее. И меня накажут. Не так, как сегодня. Хуже.

Он обещает, что если я буду подчиняться, он доставит мне удовольствие... когда-нибудь. Когда-нибудь. Это слово жжёт меня изнутри.

Я сглатываю — слюны нет, один горький ком — и выдыхаю. «Да, — говорю я, едва сдерживая ругательства, которые хочется произнести. Все те слова, которые вертятся на языке, которые я никогда не позволяла себе говорить. Его реакция удивляет меня. Он отпускает мои

волосы — резко, неожиданно, — обе руки хватают меня за талию, и он толкает меня через своё колено. Я понимаю за долю секунды до того, как он шлёпает меня за мои ошибки.

«Да, мой господин!» — быстро говорю я, но недостаточно быстро, чтобы остановить его ладонь от опускания. Обжигающий шлепок заставляет меня подпрыгнуть на цыпочках — ноги сами отрываются от пола, — и я визжу от боли. Громко. Отчаянно. Но к моему шоку, прижатая вот так к его бедру — лицом вниз, ягодицами вверх, между ног — моё желание пульсирует. Пульсирует в такт боли. Пульсирует сильнее, чем до наказания.

Что он со мной сделал?

Алдрик

Я делаю глубокий вдох, и её запах — терпкий, сладковатый, неоспоримый — ударяет мне в ноздри. Она источает возбуждение, хотя сама при этом делает вид, будто не понимает природы собственного желания. Эта ложь, даже не ложь, а искреннее невежество, забавляет и разжигает во мне голод. Моя Карина невинна. По-настоящему невинна. И это знание заставляет кровь быстрее бежать по жилам.

Мне хочется прямо сейчас повалить её на постель, овладеть её телом без остатка. Мне нужно чувствовать, как она дрожит подо мной, содрогается от каждого моего толчка, стонет от такой острой, всепоглощающей тоски, что окажется полностью в моей власти. Мне хочется попробовать её на вкус — провести языком между её сладкими складками, завоевать каждый дюйм её плоти, разума и души, пока она не раскроется передо мной, как цветок под солнцем.

Она пробудила во мне пламя. Не просто желание — древний, голодный огонь. Но она не познает удовольствия, пока не усвоит главный урок: её экстаз принадлежит только мне. Ни её пальцам, ни её фантазиям. Только мне.

Моей Карине предстоит многому научиться.

— Подними руки над головой, пожалуйста, — приказываю я, наблюдая, как дрожь пробегает по её плечам.

Её нижняя губа чуть выпячивается — почти надутая, но это ещё не неповиновение. Пока не настолько, чтобы снова наказывать. Я понимаю её разочарование. Если мои догадки верны, а я почти не сомневаюсь, она никогда в жизни не испытывала разрядки. Она и представить себе не может, что это за ощущение — когда тело ломается от наслаждения. Но она научится уступать мне. Я применю множество методов для её обучения. Заставлять ждать удовольствия — лишь один из моих инструментов.

Она повинуется. Я беру голубое платье, которое выбрал для неё, и натягиваю через голову. Ткань скользит по её плечам, опускается ниже груди, ложится лёгкими складками. Край едва прикрывает бедра, заканчиваясь намного выше колен. Я разворачиваю её, чтобы осмотреть спину. Следы, которые я оставил, видны? Хмурюсь. Недостаточно отчётливо. Мне нужно, чтобы каждый, кто взглянет на неё, сразу понял: она занята. Она моя.

Разворачиваю обратно лицом к себе и, крепко взяв за поясницу, наклоняю над своим коленом. Она должна быть помечена. Но также должна помнить своё место. Я чувствую напряжение, сковавшее её тело. Я не доверяю ей до конца — она ещё может послушаться. Мои воины — народ собственнический. Они должны видеть и знать: она принадлежит мне. Только мне.

— Я не послушалась! — восклицает она, уже понимая, что сейчас снова посыплются удары.

Это хорошо. Она учится быстро.

— Не слушалась, — соглашаюсь я. — Но мы скоро выйдем из моих покоев, и я хочу, чтобы всем было ясно: ты моя. Я мог бы надеть цепь тебе на шею. Но это не моё предпочтение. Мне больше по душе, когда ты подчиняешься добровольно, без железных оков. Я могу быть добрым и разумным господином. Поэтому я даю тебе выбор. Пометить тебя ладонью, чтобы всякий, кто увидит, знал: ты моя? Или ты предпочтёшь звенья цепи на шее?

Её синие глаза расширяются. Дыхание становится прерывистым. Я вижу, как борется в ней страх и гордость, как она сжимает и разжимает кулаки.

— Я... — она запинаясь, хмурится, затем поднимает на меня взгляд из-под опущенных ресниц. — Ваша рука, мой господин.

Хороший выбор. За смелость она будет вознаграждена.

Киваю и усаживаю её к себе на колено так, что она оказывается верхом — ноги по обе стороны от моей ноги, её обнажённое лоно плотно прижато к теплу моей кожи. Туника задвигается, она полностью открыта мне. Я опускаю ладонь с твёрдостью — резкий шлепок звенит в тишине покоев. Она ахает. Сила удара толкает её вперёд, и её плоть трётся о моё бедро.

Цель двоякая: и наказать, и... разжечь.

Ещё один увесистый шлепок следом за первым. Затем ещё. Я аккуратно располагаю следы на изгибе её ягодиц и ниже — на бёдрах. Красные отпечатки пальцев проступают на бледной коже, как клеймо. Чтобы наградить её за храбрость, я погружаю палец в её складки и глажу её. Она стонет и трётся о моё колено с такой отчаянной жадностью, что у меня перехватывает дыхание.

Я улыбаюсь.

Моя женщина получит наслаждение сегодня вечером. Но не раньше, чем начнёт умолять о разрядке. Я осыпаю её тремя резкими шлепками, прежде чем поднять. Она тяжело дышит, обессиленная желанием, глаза затуманены. Я беру её за затылок, притягиваю её рот к своему и целую — дико, жадно, собственнически.

Затем встаю.

Пора на рынок.

С огромной гордостью я беру свою женщину под руку и вывожу из покоев. Я сам вкладываю её ладошки в сгиб локтя — так она будет ближе, и я смогу контролировать каждый её шаг. Как только мы ступаем в коридор, мои слуги выстраиваются в линию. Сбоку и сзади идут вооружённые стражники, обученные защищать и убивать по первому приказу. Шаги их чеканны и размеренны.

Пока они следуют за нами дисциплинированным строем, я наставляю Карину:

— Сегодня ты увидишь привилегии, которые дарует тебе моё покровительство. Всё, что пожелаешь купить на рынке, будет твоим. Просто скажи слово — и любая вещь станет твоей.

Она с любопытством смотрит на меня.

— Всё что угодно?

Я улыбаюсь. В её голосе звучит недоверие, и это мило.

— Да, моя Карина. Нет такой вещи, которая была бы слишком дорогой для женщины Воина-Короля.

Она замолкает на мгновение, обдумывая. Я слышу, как поскрипывает кожа доспехов моих стражников. Запах старого камня и отполированного металла наполняет коридор.

— Я мало знаю об обычаях вашего королевства, — наконец говорит она. — Но мне интересно: почему ты не называешь себя просто королём? Почему ты Воин-Король?

Я поворачиваю за угол, и чувствую, как мои люди прислушиваются ещё внимательнее. Им хорошо известно, почему я ношу этот титул. И они гордятся тем, что стоят рядом со мной. Для них это величайшая честь.

— Я заслужил свой ранг в битвах, — объясняю я. — При обычных обстоятельствах я ждал бы коронации до тех пор, пока мой отец не перейдёт в жизнь вечную. Но поскольку я стоял и как принц, и как победитель во многих сражениях, мой отец даровал мне главенство над Авалером. Он сделал это добровольно — он стар и предпочитает давать мне советы, а не нести полную ответственность короля.

— Битвы, — повторяет она. Её голос тихий. — Сколько у тебя было побед?

Я мягко улыбаюсь. Она невинна, как дитя. И я с гордостью обучаю её обычаям Авалера.

— Моих побед было много, маленькая. Я держал меч в руке с тех пор, как смог выдержать его вес. Но не просто число побед принесло мне титул Воина-Короля. А то, что ни в одной битве — ни в строю, ни в одиночной схватке — я не проиграл. Ни разу. Непобеждённый воин. Когда я достиг совершеннолетия, решение сделать меня Воином-Королём было и благородным, и стратегически верным.

Я горжусь, рассказывая ей об этом. Каждая победа далась мне с болью и кровью. Вокруг меня головы моих воинов склоняются в безмолвной дани уважения. Слышен лёгкий лязг металла — это они касаются рукой своих мечей.

Она молчит, но я чувствую, что она размышляет. Я читаю её: в ней благоговейный трепет. Это хорошо. Если она сочтёт меня достойным уважения, её послушание станет глубже, естественнее. Запах её возбуждения всё ещё витает в воздухе, смешиваясь с запахом пота и камня. Я сдерживаю улыбку. Это послужит нам обоим.

— А теперь, моя Карина, слушай внимательно, пока мы приближаемся к рынку.

Я затягиваю её в тень ниши. Настоящей уединённости у нас нет — люди рядом, стражники в двух шагах, но я хочу, чтобы она запомнила каждое слово. Я наклоняюсь к ней, беру за подбородок, заставляя смотреть в глаза.

— Вчера я наказал тебя перед всеми. — Она ёрзает, отводит взгляд. Я мягко, но твёрдо возвращаю его обратно. — Сегодня я снова пометил тебя. Когда мы выйдем к народу, те, кто мудр, поймут: ты моя. Но не все мудры.

Она хмурится — так очаровательно, что я не удерживаюсь. Я склоняю голову и целую её прекрасный лоб. Кожа у неё гладкая и прохладная, несмотря на жар внутри неё.

Я отстраняюсь и продолжаю:

— Наши воины — свирепые бойцы. Некоторые из них дикари.

Она фыркает — коротко, резко. Я не понимаю почему. Смотрю на неё с любопытством. Странная реакция.

— Почему ты так отвечаешь?

Она вскидывает брови. Вид у неё почти дерзкий, но она быстро спохватывается.

— Прошу прощения... мой господин. — Она поспешно добавляет титул. — Это вышло нечаянно. Просто меня удивляет, что ты называешь других мужчин дикарями. А себя ты таким не считаешь?

Меня забавляет её вопрос. Она не трусиха — это в ней стоит уважения.

— Я не извиняюсь за свои слова или поступки, — отвечаю я. — Я делаю то, к чему призван. И, возможно, то, что варварство, относительно. Это зависит от сравнения с другими.

Я становлюсь серьёзнее. Нужно вбить в неё важность моих слов.

— Маленькая, у нас есть законы. Но здесь есть мужчины, которые возьмут тебя силой. И не раз. Есть те, кто увидит в тебе не более чем сосуд для своих низменных нужд. Есть те, кто не станет шлёпать тебя ладонью, а будет хлестать плетью. И некоторые, будь они на моём месте, заставили бы тебя ползти рядом на четвереньках на цепи, а не держаться за мою руку.

Она бледнеет, но держится молодцом. Я вижу, как напряглась её шея, как чуть заметно дрожат пальцы на моём локте.

— Ты варвар, — шепчет она.

— Мы — общество, которое ценит силу и мощь. Мы поощряем в каждом члене нашего народа могущество и индивидуальность. И мы уважаем власть только если она заслужена, а не потому, что несогласие или неповиновение искоренены в нас. — Я делаю паузу, глядя ей прямо в глаза. — Мы не можем обсуждать это дальше, сейчас я должен встретиться с моими командирами за полуденной трапезой.

Я снова замолкаю. В коридоре тихо — только дыхание стражников и далёкий гул города за стенами.

— Но да, — добавляю я, и мой голос становится тише, тяжелее. — Ты права, осознавая опасность на Авалере. Здесь особенно опасно тем, кто желает подвергать сомнению власть.

В её глазах отражается страх. Именно тот, который я хотел увидеть. Я беру её за руку и веду к выходу.

Моей маленькой предстоит многому научиться.

Глава 5

Карина

Я смотрю, как мой дикий господин уходит. Я осознаю это, только сделав невольный шаг ему навстречу и протянув руку, — что не хочу, чтобы он уходил. Мне становится стыдно от своей реакции, и я быстро прижимаю руку к груди, словно желая защититься от этого нелепого, непрощенного чувства. Что это за колдовство? Помощник короля всё видел. Я бросаю на него косой взгляд, пытаюсь быстро оценить его силу и понять, насколько опасным он может быть для моих планов. Мне всё еще нужно найти мое коммуникационное устройство, если я хочу спастись из этого места, и я смогу это сделать, только если сумею ускользнуть от этого человека. Но сделать это будет непросто — он явно опытен и не спускает с меня глаз.

Помощник короля — Идан, он назвал его так, — высок, хоть и не настолько огромен, как его господин. Его темно-рыжие волосы ниспадают низко, завязанные на шее, и у него густая рыжеватая борода, которая придает ему вид сурового воина из древних легенд. Его грудь, как и у повелителя, обнажена — сильная, мускулистая, глубоко загорелая под чужим солнцем этой странной планеты. Знакомые черные родовые татуировки также украшают его шею, плечи и руки, рассказывая без слов о его положении и доблести. На нем такие же кожаные доспехи на поясе, с мечевым ремнем, на котором висит два оружия, их рукояти блестят в лучах солнца, отражая блики на его смуглой коже. Он выглядит готовым к битве, хотя мы всего лишь стоим на рыночной площади, окруженные мирными торговцами и покупателями. Он жестом велит мне следовать за ним, и в его движении чувствуется привычка повелевать.

— Ты ела? — спрашивает он, и его голос звучит скорее как утверждение, чем как вопрос.

— Да, — говорю я, стараясь, чтобы мой ответ звучал твердо.

Он хмурится, и эта хмурая складка между бровями делает его похожим на рассерженного медведя.

— Когда? — спрашивает он, и я понимаю, что от меня не отстанут, пока я не дам удовлетворительного ответа. Кажется, он такой же требовательный, как и его господин. Я не уверена, как часто питаются эти люди, но, похоже, гораздо чаще, чем я привыкла на Фреанносе, где приемы пищи строго регламентированы и лишены всякой радости.

— Этим утром, — отвечаю я, надеясь, что этого будет достаточно.

Но когда мы огибаем поворот у рыночной площади, мое сердце пропускает удар. Я вижу, что он ведет меня к месту с длинными деревянными столами и табуретами, стоящими вдоль длинной стойки. В воздухе висят ароматы жареного мяса, свежей выпечки и каких-то пряных трав, от которых у меня слегка кружится голова. Мое сердце ускоряет бег, потому что прямо за столами я вижу арену, которую мы посетили прошлой ночью, ту самую, где король наказывал меня на глазах у сотен людей. Воспоминание об этом заставляет мои щеки вспыхнуть, а ладони — сжаться в кулаки. Если бы мне только удалось добраться до того места, я бы смогла найти путь к лесу, где спрятано мое коммуникационное устройство. Оно лежит там, под корнями старого дерева, завернутое в водонепроницаемую ткань — я сама спрятала его, когда только прибыла на эту планету, на случай чрезвычайной ситуации. Если бы я только могла связаться с фреаноссами, я бы предупредила их о случившемся и запросила подкрепление. Но я ничего не узнала о планах авалерийцев. Я должна раскрыть их намерения, прежде чем попытаться бежать, иначе моя миссия окажется полностью проваленной.

Я слишком долго стояла на месте, рассматривая окрестности и взвешивая шансы. Мужчина замечает мою заминку и подходит ко мне. К моему шоку, его руки ложатся мне на плечи, притягивая меня ближе к нему, и он быстро идет вперед, практически неся меня за собой. Его хватка сильна, но не груба — он явно привык обращаться с теми, кто слабее, но не стремится причинить боль без необходимости.

— Идем со мной, — говорит он, и в его голосе звучит сталь. — Хотя ты отмечена моим господином, он доверил тебя моей заботе. Ты должна держаться рядом со мной и делать, что я говорю. — Его голос смягчается, и это смягчение кажется почти отеческим. — Я не могу позволить, чтобы хоть один волос упал с твоей головы, госпожа. Как тебя зовут?

Я открываю рот, чтобы назвать свое настоящее имя, то, которое носила всю жизнь на Фреанносе. Я начинаю называть свое имя: «Р-...», но замолкаю, едва не выдав себя. Нет. Мне дали другое имя. Я должна привыкнуть к нему, должна вжиться в эту роль, если хочу выжить. Я прочищаю горло, собираясь с духом. Я впервые произношу свое имя вслух, и это звучит странно и непривычно.

— Карина, — говорю я тихо, почти шепотом. Слово приятно ложится на язык, оно мягкое и округлое, совсем не похожее на резкие, отрывистые имена Фреаносса. Мне немного неловко его произносить, словно я примеряю чужую одежду.

— Очень хорошо, Карина, — говорит Идан, и легкая улыбка трогает уголки его губ, спрятанные в густой бороде. Мы наконец дошли до длинного стола, и он указывает на один из табуретов. — Садись на табурет, я принесу тебе что-нибудь выпить.

Он отодвигает для меня табурет с почтительной заботой, и я сажусь, чувствуя себя неловко под взглядами нескольких любопытных торговцев. Идан поднимает руку, подзывая молодую женщину у стойки. Она торопливо подходит к нашему столу, вытирая руки о передник, и низко кланяется, приблизившись к Идану. Ее глаза расширяются, когда она узнает помощника короля, и я вижу, как ее руки слегка дрожат.

— Что вам принести, господин? — спрашивает она тихим, почтительным голосом.

Идан машет рукой, не удостаивая ее долгим взглядом.

— Сок глендерберри для моей госпожи, — говорит он коротко. — Мне ничего.

Она кивает и поспешно удаляется, исчезая за стойкой, где начинается какая-то возня с кувшинами и чашами.

Я пользуюсь моментом, чтобы осмотреться, запоминая каждую деталь, каждый возможный путь к отступлению. У стойки сидит пожилой, морщинистый мужчина, его лицо испещрено глубокими морщинами, как старая карта. Он не спеша попивает из небольшого стаканчика янтарную жидкость, которая пахнет дымом и чем-то сладким. Справа стоит круглый стол, за которым молодой мужчина и женщина тихо разговаривают и смеются друг с другом, их головы склонены близко-близко. Женщина касается руки мужчины, и он отвечает на ее прикосновение теплой улыбкой. Я никогда не видела такой простой, незамутненной нежности на Фреанносе. Позади себя я вижу, как молодая женщина встает из-за соседнего стола, и мужчина, который был с ней, сопровождает ее, пока она идет к двум дверям в дальнем конце зала. Она поднимает палец, останавливая его, и он вежливо отворачивается, когда она входит в одну из дверей, оставляя его ждать снаружи с терпеливым видом. Я понимаю, что она, вероятно, посещает авалерийские удобства. Хотя они, скорее всего, примитивны по моим меркам, это вполне может послужить моей цели, если все мужчины Авалера воздерживаются от входа в зону, предназначенную для женщин. Этот обычай разделения — то, что я могу использовать.

Я наблюдаю за другими, замечая, как женщины свободно входят и выходят, и мужчины не следуют за ними, и понимаю, что это действительно может быть мой шанс.

Мне странно видеть вокруг столько людей, столько жизни. Мы не участвуем в таких занятиях на Фреанносе: не бродим без дела, не смеемся весело, не проводим время в праздной беседе. Разные пары мужчин и женщин не склоняют голов и не разговаривают друг с другом интимно прилюдно. У нас всё строго, функционально, подчинено одной цели — выживанию и служению Совету. Здесь же люди живут, а не просто существуют. Эта мысль тревожит меня больше, чем мне хотелось бы признавать.

Когда девушка возвращается с моим напитком, она ставит передо мной тяжелую глиняную кружку, украшенную простым, но изящным узором. Я благодарю ее легким кивком и смотрю на Идана. Он кивает, словно давая мне разрешение пить, и его лицо смягчается еще немного. Он улыбается, и эта улыбка делает его почти привлекательным — если не знать, что он служит дикарю-королю и готов убить по первому приказу.

— Я тебе не господин, Карина, — говорит он, отодвигая от себя пустую кружку. — Так что можешь есть и пить когда захочешь, не спрашивая у меня разрешения. По крайней мере, здесь, среди людей. В покоях короля правила иные.

Я чувствую, как слегка краснеют щеки от его слов и от того, как легко он говорит о правилах, которые кажутся мне чуждыми и унижительными. Обычаи авалерийцев все еще очень чужды мне, и каждый новый день приносит все больше вопросов. Я поднимаю кружку обеими руками, чувствуя тепло глины. Сок темно-красный, почти бордовый, ароматный, с запахом лесных ягод и чего-то неуловимо пряного. Когда я делаю глоток, замечая, что он одновременно сладкий и терпкий, с легкой горчинкой послевкусия. Я вижу, как еще одна женщина поднимается из-за стола и направляется к заветным дверям. Ее спутник остается на месте, даже не поворачивая головы в ее сторону. Еще один мужчина воздерживается от того, чтобы последовать за своей женщиной. Это именно то, что мне нужно — подтверждение того, что женщины могут уединяться без сопровождения. План начинает обретать форму в моей голове.

Я наслаждаюсь соком, делая небольшие глотки, чтобы не показаться слишком голодной или жадной. Как и все, что я пробовала здесь, он восхитителен, и я чувствую себя довольно освеженной, хотя внутри меня нарастает напряжение. Но мое время ограничено, и я должна торопиться, если хочу, чтобы мои планы осуществились. Каждая минута промедления — это риск, что король вернется или Идан заподозрит неладное.

Я ставлю кружку на стол, сцепив пальцы, чтобы скрыть их легкую дрожь. Смотрю на Идана из-под ресниц, стараясь придать лицу самое невинное выражение, на которое способна.

— Мне нужно... отлучиться, — говорю я, намеренно стараясь звучать смущенно и немного растерянно. Я опускаю глаза, как делают покорные женщины в его мире, и тереблю край своей синей туники. Мой голос слегка дрожит, и я надеюсь, что он примет это за простую застенчивость, а не за нервозность от попытки побега. Мое сердце колотится где-то в горле, но я заставляю себя дышать ровно.

Идан хмурится, скрестив руки на своей широкой груди, и его лицо снова становится суровым. Его челюсть сжимается, желваки ходят под смуглой кожей, а глаза быстро оглядываются по сторонам, оценивая обстановку, выискивая возможную угрозу. Он явно колеблется — я вижу это по тому, как его пальцы барабают по бицепсу. Он поднимает палец, подзывая женщину, которая принесла мне напиток. Та уже стоит неподалеку, наблюдая за нами с почтительным любопытством, и поспешно подбегает к нашему столу, едва не споткнувшись в спешке.

Мое сердце бешено колотится в груди, готовое выпрыгнуть наружу. Сработает ли мой план? Смогу ли я воспользоваться этим единственным шансом, или меня схватят раньше, чем я сделаю хотя бы шаг к свободе?

— Пожалуйста, покажите нам дорогу к удобствам, — говорит Идан, и его голос звучит спокойно, но в нем слышится скрытое напряжение.

— Конечно, господин, — отвечает женщина, низко кланяясь и жестом приглашая меня следовать за ней. Я чувствую Идана близко за спиной, его дыхание касается моих волос, пока мы идем через зал между столами. На мгновение я боюсь, что «удобства» окажутся такими же варварскими, как и остальная часть этой земли, или что Идан поведет себя не так, как другие мужчины, и последует за мной внутрь, разрушив все мои надежды. Но мы доходим до небольшого дверного проема, и женщина останавливается, жестом приглашая меня войти одной. Я заглядываю внутрь — это небольшое помещение, очень простое, но, к счастью, чистое. Простая латрина, выложенная камнем, с ведром воды и куском грубой ткани вместо полотенца. Я киваю Идану, стараясь не выдать своего облегчения, и по его позе — рука на рукояти меча, ноги на ширине плеч — и строгому кивку головы понимаю, что я действительно права: он не идет за мной. Мужчина остается снаружи, как и все остальные мужчины здесь.

Я быстро ныряю в дверь, и сердце мое колотится так сильно, что, кажется, его стук слышен во всем помещении. Я прижимаюсь к холодной каменной стене, считая до десяти, чтобы успокоиться. За дверью я слышу, как Идан разговаривает с кем-то — его голос низкий и резкий, он явно недоволен. Минуту спустя, затаив дыхание, я осторожно выглядываю в дверной проем. Я вижу, как Идан жестикулирует перед каким-то мужчиной, чье лицо покраснело от гнева. Голос незнакомца повышается, его руки сжимаются в кулаки по бокам, и он делает резкий шаг вперед, словно бросая вызов. Идан не двигается с места, но его поза становится еще более напряженной, и он слегка наклоняет голову, готовый к схватке. Это будет мой шанс. Они отвлеклись друг на друга, и никто не смотрит в мою сторону. Я быстро выскальзываю за дверь и тихо притворяю ее за собой, молясь всем богам, которых не знаю, чтобы щеколда не щелкнула слишком громко. Идан не сдвинулся с места, его голос повышается, когда он отвечает на вызов мужчины, и теперь они оба поглощены своим спором. Никто не смотрит на меня. Ни одна пара глаз не следит за моим передвижением. Это мой шанс.

Я быстро прохожу мимо столов и стульев, стараясь ступать бесшумно, и выхожу через открытый дверной проем на солнечный свет. Я держу голову опущенной и шагаю быстро, но не настолько стремительно, чтобы привлечь подозрения у случайных прохожих. Я просто еще одна женщина, идущая по своим делам. Минуту спустя, когда я сворачиваю за угол и теряюсь из виду, я позволяю себе поверить — я сбежала. Теперь вокруг меня никого нет, и я ускоряю шаг, переходя на легкую трусцу по направлению к вчерашней арене. Земля под ногами твердая, утоптанная множеством ног, и пыль поднимается маленькими облачками за моими пятками.

Арена выглядит иначе при дневном свете. Она меньше, чем я запомнила, и не такой внушительной. Дневной свет не щадит ее — видны трещины в камне, потертости на деревянных креслах. Я быстро прячусь за большой каменной стеной, прижимаясь спиной к холодному шершавому камню, чтобы меня не было так видно, как раньше. Стена позволяет мне наблюдать, оставаясь в укрытии, и я выглядываю из-за угла, сканируя местность. Вдалеке я вижу большое каменное возвышение и кресла, на которых вчера сидели воины. Они пусты, но от одного их вида у меня сжимается желудок. Но у меня падает сердце, когда я смотрю дальше.

Мне нужно пробраться мимо возвышения к лесу вдалеке. Там, среди деревьев, которые кажутся отсюда темно-зеленой стеной, спрятано мое устройство. Но прямо между тем местом, где я нахожусь, и тем, куда мне нужно попасть, находится куполообразное здание из серого камня, куда направлялся король. Его стены массивны и внушительны, а из небольших окон сверху доносится приглушенный гул голосов. Я боюсь, что мой путь приблизит меня к самому дикарю, и от этой мысли по моей спине пробегает холодок, несмотря на палящее солнце. Я стону, прикусывая губу. Если меня поймают, меня накажут. Я знаю это так же верно, как то, что солнце встает по утрам. Король не простит мне еще одного побега.

У меня нет выбора. Когда мой дикий господин вернется и обнаружит, что меня нет, он начнет поиски. Я не знаю, когда еще представится такая возможность, если не воспользуюсь этой, прямо сейчас. Возможно, больше никогда.

Пригнувшись почти к самой земле, чтобы меня не заметили случайные взгляды, я начинаю свою быструю миссию к возвышению. Я двигаюсь мимо купола, за стенами которого собрались на совет мужчины, чьи голоса я слышу все отчетливее с каждым шагом. Мои ноги двигаются быстро и бесшумно, но я чувствую себя ужасно незащищенной под яркими лучами чужого солнца. Жара согревает мою кожу, пот стекает тонкими струйками между грудью и вниз по шее, заставляя тунику прилипать к телу. У меня пересохло во рту, язык кажется ваты, живот скручивает от нервов и предвкушения — тошнотворный коктейль из адреналина и страха. Я всего в нескольких шагах от возвышения. Мне кажется, что мое укрытие совершенно недостаточно, что я выставлена напоказ всем, кто находится в этом проклятом месте. Каждый камень, каждая тень кажутся мне сейчас глазами врага.

Когда я приближаюсь, я слышу глубокий, властный, очень знакомый голос. Он проникает сквозь каменные стены, вибрирует в воздухе и заставляет мое сердце замереть на мгновение. Слева от меня находится узкий вход, и мои подозрения подтверждаются, когда я подхожу ближе. Это место, где собрались мужчины. Я подавляю очередной стон, прижимая ладонь ко рту, чтобы ни звука не вырвалось наружу.

Эта новость все меняет, говорит король, и в его голосе слышится что-то, чего я не могу определить — то ли гнев, то ли мрачное удовлетворение. Не в силах остановить себя, рискуя всем, я подкрадываюсь к дверному проему, прижимаясь к холодному камню и вслушиваясь в его слова. Если то, что говорит посыльный, правда, то мы должны поспешить на Фреаносс при первой же возможности. Теперь ясно, что их обвинения в краже в наш адрес были лишь попыткой отвлечь нас от их истинной цели.

Меня бросает в холод, такой внезапный и сильный, что по коже бегут мурашки, несмотря на жару. Отвлечение? Значит, это авалерийцы не крадут ресурсы у Фреаносса? Мои глаза закрываются сами собой, и я прислоняюсь лбом к камню, пытаюсь осмыслить услышанное. Если то, что он говорит, правда, то моя миссия была напрасна с самого начала. Вся моя подготовка, все жертвы — всё оказалось основано на лжи. Он лжет. Варвар лжет. Не может быть, чтобы наш Совет ошибался. Не может быть, чтобы Фреаносс, наша цивилизация, наш идеальный порядок — оказался агрессором. Это немыслимо. И все же холод сомнения заползает в душу и сворачивается там ледяной змеей.

Скорость теперь важнее, чем когда-либо. Мои ноги переходят на бег, и земля глухо стучит под подошвами моих мягких кожаных туфель. Я хорошо тренирована и могу бегать быстро — на Фреаноссе физическая подготовка была обязательной для всех агентов. Мои ноги летят, почти не касаясь пыльной тропы, грудь вздымается, когда я хватаю ртом горячий воздух, наполненный запахами трав и разогретого камня. Солнце печет макушку, волосы выбиваются из плена и хлещут по лицу, но я не смею остановиться даже на секунду. Еще несколько шагов, и я достигну места сразу за возвышением. К счастью, оно пусто — деревянные кресла воинов пусты, и никто не сидит на каменных ступенях. Не раздумывая больше, я быстро подхожу к большой каменной стене. Ее шершавая поверхность царапает ладонь, когда я опираюсь на нее, переводя дух. Всего в нескольких десятках шагов за этой стеной я выйду на поляну, и именно на этой поляне, под корнями старого искривленного дерева, спрятано мое устройство. Я представляю его холодный металлический корпус в своих руках, слышу мысленно тихий сигнал включения — и это придает мне сил. Я быстро захожу за стену и, сделав это, замираю как вкопанная.

Там, в тени, отбрасываемой массивными каменными блоками, четверо крупных бородатых мужчин. Они сгрудились вокруг чего-то, о чем-то оживленно беседуют, их голоса звучат приглушенно и опасно. Я вижу, как один из них хлопает другого по плечу, и оба смеются низкими, гортанными голосами. Они резко поднимают головы, увидев меня, и смех мгновенно обрывается. Четыре пары глаз впиываются в мое лицо, оценивающе скользят по фигуре. Каждый из них худошавый и жилистый, с такими же длинными волосами, как у солдат, но без родовых

татуировок на шее и руках — значит, не воины. Обычные люди, возможно, торговцы или бродяги. Но в их позах чувствуется что-то хищное, настороженное. Тот, что в центре, скалится на меня, обнажая неровные желтоватые зубы, но от этой улыбки у меня сжимается живот холодным комком страха. Он отрывается от своих спутников и начинает медленно, неспешно идти ко мне, как зверь, почуявший добычу. Его шаги тяжелы и размеренны, каждый шаг отдается глухим эхом в моей груди.

Кого мы тут имеем? говорит он, облизывая сухие потрескавшиеся губы. Прекрасную деву без сопровождения? Его голос вкрадчив и маслянист, как у человека, привыкшего брать то, что не принадлежит ему. Я быстро оглядываюсь по сторонам, ища пути к отступлению. Я вижу, что позади него остальные мужчины рассыпали между собой на земле несколько кожаных кошельков. Груда золотых монет отражает лучи солнца, сверкая и переливаясь теплым блеском. Они явно делили добычу. Грабители. Мое сердце ухает вниз. Хотя мужчины выглядят довольно дружелюбно на первый взгляд, мои инстинкты, отточенные годами тренировок, кричат мне об обратном. Глаза мужчины темнеют, когда он хмурится на меня, и в этом взгляде читается нечто большее, чем простое любопытство. Дева, застигнутая врасплох, говорит он, и его слова невнятны, слегка заплетаются — он пьян. Его глаза расфокусированы, зрачки расширены, но в них все равно теплится опасный огонек. Она видела наши лица и наши кошельки, бормочет он, обращаясь скорее к себе, чем ко мне. Я начинаю медленно пятиться назад, осторожно переставляя ноги, чтобы не споткнуться о камень. Мне нужно уйти, бежать, но если я вернусь туда, откуда пришла, меня увидят все, кто находится в пределах видимости возвышения. А там, за моей спиной, — совет воинов, которые заметят меня в два счета. Позади себя я слышу крики и приближающиеся тяжелые шаги. Чьи-то голоса звучат все громче, все ближе. У меня сводит живот от отчаяния. Я в ловушке. Передо мной — четверо мужчин, которые явно хотят мне навредить, а позади — неминуемый плен и наказание короля. Выбора нет.

Он делает еще один шаг ко мне, и я чувствую запах перегара и немытого тела, ударяющий в нос. И вот перед нами беспомощная дева, тянет он, и его рука медленно поднимается, словно он собирается дотронуться до моего лица.

Я замираю на месте, превращаясь в сжатую пружину, и жду, когда он приблизится вплотную. Беспомощная дева, которая будет биться с тобой насмерть, шиплю я, и в моем голосе звучит сталь, которой я учусь у своих наставников. Я надеюсь, что моя угроза хотя бы на мгновение задержит его наступление, пока я смогу спланировать следующий шаг, оценить расстояние до каждого из них. Позади меня голоса становятся громче, шаги приближаются, и я понимаю, что время на исходе.

Глаза мужчины сужаются до щелочек, и на его лице появляется выражение злобного удивления. Ты бросишь мне вызов, женщина? спрашивает он, и его голос становится низким и рычащим.

Я бросаю вызов всем вам, насмехаюсь я, вкладывая в слова всю свою ненависть и отчаяние. Остальные теперь приближаются, окружая меня полукольцом. Меня скоро схватят — это неизбежно, потому что даже с самой ожесточенной борьбой, даже используя все свои навыки, я не смогу одолеть четверых взрослых мужчин, особенно таких крупных и явно привыкших к драке. Но я попытаюсь. Я буду биться до последнего. Я не сдамся без боя, не стану их жертвой.

Он подходит достаточно близко, чтобы схватить меня, и его рука выбрасывается вперед, грубо хватая меня за волосы. Я чувствую, как пряди натягиваются до боли, но действую мгновенно. Я ловко блокирую его — мое левое предплечье останавливает его руку, в то время как правой я с разворота наношу резкий удар кулаком прямо в солнечное сплетение. Он стонет, сгибаясь пополам, выдыхая воздух с противным свистом, когда его товарищ уже достигает меня. Я не теряю ни секунды — выбрасываю ногу вперед и с силой бью каблуком в живот второго. Он охнул и отшатнулся, но третий уже схватил меня сзади, его сильные, грубые руки обхватывают мою грудь, сжимая так, что становится трудно дышать. Я отбиваюсь ногой назад,

пытаясь попасть ему по голени, и его руки поднимаются к моей шее, пытаюсь перехватить захват. Но я не сдаюсь — я изо всех сил кусаю его за запястье, сжимая челюсти до хруста. Чувствую на языке теплый соленый вкус крови, и он завывает от ярости и боли, разжимая хватку.

Она меченая! кричит четвертый, который до сих пор стоял в стороне, наблюдая. Его голос срывается на визг. Руки прочь! На ней синее короля, и она меченая! В его голосе звучит неподдельный ужас, как будто он только что увидел призрака.

Мужчина, державший меня, мгновенно отпускает, будто обжегшись, и я пользуюсь этим моментом. Я кружусь на месте, нанося еще один точный удар ногой — на этот раз в пах третьему. Он взвыл и рухнул на колени. Но с ревом ярости, заглушающим боль, первый грабитель, тот самый, который начал первым, бросается на меня с жестоким ударом тыльной стороной ладони. Я не успеваю уклониться. Моя голова запрокидывается назад, перед глазами вспыхивают белые искры. Зрение затуманивается, в ушах звенит так сильно, что я перестаю слышать собственное дыхание. Мои ноги подкашиваются, и я падаю на землю, больно ударяясь коленями о твердую каменистую почву. Сильные руки хватают меня сзади, и я отбиваюсь изо всех сил, царапаюсь, кусаюсь, брыкаюсь — пока строгий, властный голос не заставляет меня замереть на месте, словно парализованную.

Не сопротивляйтесь, госпожа.

Я выгибаю шею, преодолевая боль в затылке, и сквозь пелену слез вижу знакомую рыжеватую бороду, длинные волосы и строгие глаза Идана. Его лицо сурово, но в глазах мелькает что-то похожее на облегчение. Он крепко держит меня за плечи, не больно, но так, что невозможно вырваться, и оттаскивает назад, подальше от драки, которая все еще кипит перед нами. Когда мы отходим на несколько шагов к спасительной стене, я теперь могу видеть всю сцену перед собой целиком.

Оставайтесь рядом со мной и не лезьте в драку, рычит Идан мне на ухо, его голос низок и опасен. Вы ответите за свой побег, как и я. Не усугубляйте положение ни для одного из нас больше, чем необходимо. Хотя у меня падает сердце, потому что я знаю: мой шанс на побег упущен безвозвратно, меня приковывает к месту то, что разворачивается прямо передо мной.

Полдюжины воинов в черных кожаных доспехах присоединились к нам, образовав живое кольцо, но в самом центре этого кольца находится король. Он наступает на того самого мужчину, который ударил меня. Я видела его разгневанным прошлой ночью на арене, но никогда не видела таким взбешенным, как сейчас. Его лицо искажено яростью, глаза мутные и темные, как грозовое небо, щеки пылают багровым румянцем. Он бросается на мужчину, который посмел ударить меня, и вся сила его могучего тела обрушивается в одном ударе. Кулак короля с хрустом врывается в челюсть грабителя. Я слышу этот звук — противный, влажный хруст — и мужчина воет, падая на землю, как подкошенный. Но король не останавливается. Он хватает его за волосы, рывком поднимает окровавленную голову и с размаху бьет коленом в живот. Мужчина кряхтит, из его разбитого рта вылетают кровавые брызги, он тщетно пытается защититься, но не может — руки беспомощно болтаются по бокам. Король поднимает его на ноги, хотя тот уже едва стоит, и бьет снова и снова — в лицо, в корпус, в челюсть. Кровь брызжет из разбитого носа грабителя, заливая его бороду и грудь. Он не может устоять на ногах, ноги подкашиваются, и он снова падает на землю, хрипя и захлебываясь кровью. Король наклоняется, хватает его за затылок, рывком обнажая шею, и в тот же миг я слышу звон металла — он вынимает меч из ножен за спиной. Клинок сверкает на солнце холодным, неумолимым блеском. Он собирается убить его. Прямо здесь и сейчас. Отсечь голову с плеч, не раздумывая, не тратя слов на приговор.

Нет, господин! кричу я, и мой голос срывается на крик, которого я сама от себя не ожидала. Рука короля замирает в воздухе, меч поднят для сокрушительного удара. Он медленно поворачивается ко мне, и я вижу его лицо. Мой желудок сжимается от ледяного страха. Это

лицо воина, которое теперь смотрит на меня. Беспощадное. Жестокое. Готовое убивать без колебаний. В его глазах нет ничего человеческого — только голодная, дикая ярость.

Ты не имеешь права голоса в этом, шипит он, и его голос звучит как раскат грома. Этот человек поднял руку на мою женщину, и плата за такое преступление — смерть. Он говорит это так, будто объясняет прописную истину, не требующую доказательств.

Прошу вас, господин, умоляю я, и в моем голосе слышится мольба, которой я не могу управлять. Дело не в том, что я сочувствую этим мужчинам — они напали на меня, они заслуживают наказания. Но я не вынесу мысли о том, что король снова казнит кого-то на моих глазах, как вчера на арене. Это слишком. Возможно, это не обычай вашего народа, говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал, но казнь после суда — это правосудие. Это было бы убийством. Я смотрю ему прямо в глаза, хотя колени мои подгибаются от страха.

Он король. Он может делать всё, что пожелает, и не понесет за это ответ. Я знаю это. Он знает это. Все вокруг знают это. Он смотрит на меня долгим тяжелым взглядом, глубоко вдыхая воздух через широкие ноздри. Его суженные глаза прожигают меня насквозь, и я чувствую, как начинаю мелко дрожать — не от холода, а от осознания собственной дерзости. Я только что перечила королю на глазах у его воинов. Наказание за это может быть ужасным. Но он медленно опускает руку с мечом, разжимая пальцы на волосах поверженного грабителя. Голова мужчины падает на землю с глухим стуком, и он остается лежать без движения, только слабо постанывая. Король делает шаг назад, прячет меч в ножны и отдает приказ своим людям, которые замерли в ожидании. Отведите их на арену и высеките плетью, затем заточите в темницу. Мы рассмотрим их действия, и они ответят в суде за свои преступления. Его голос звучит спокойно, почти буднично, словно он только что решил, что подать на завтрак. Он поворачивается и тихо говорит что-то мужчинам вокруг себя, отдавая короткие, четкие распоряжения. Воины кивают и начинают поднимать грабителей с земли, заламывая им руки и надевая тяжелые цепи.

Хватка Идана на моих руках по-прежнему сильна, и я хочу, чтобы меня отпустили. Мои плечи ноют от его пальцев, но я терплю. Отпусти меня, шиплю я на него, пытаюсь вывернуться, но его хватка лишь усиливается, становясь почти болезненной.

Вы ослушались приказа и короля, и меня, говорит Идан, и в его голосе нет злости — только усталая констатация факта. Я не знаю, откуда вы родом, но в этой земле женщины должны повиноваться мужчинам, которые стоят выше них. Если бы вы были моей, я бы перегнул вас через колено и хорошенько выпорол, но король сам позаботится о вашем наказании. Не усугубляйте свое наказание сейчас. Его слова звучат как предупреждение, и я чувствую в них тень сочувствия.

Я хмурюсь на него, сжимая губы в тонкую линию, а он лишь приподнимает тяжелую рыжую бровь. Он выбрал строптивую, бормочет он, качая головой с чем-то похожим на уважение. Я просто отворачиваюсь, не в силах больше на него смотреть. Возможно, я еще найду способ сбежать. Где-то, когда-нибудь, когда они ослабят бдительность. А возможно, я буду во власти варвара еще дольше, чем планировала. Возможно, я никогда не смогу отсюда выбраться.

Вскоре грабителей уводят в кандалах. Их шаги тяжелы и неверны, цепи гремят в такт каждому движению. Я все еще в крепкой хватке Идана, пока король отдает последние распоряжения своим людям. Он разговаривает с одним из воинов вполголоса, указывая рукой в сторону дворца. Наконец, когда все разошлись, я остаюсь только с королем и Иданом. Втроем мы стоим на поляне, среди разбросанных монет и темных пятен крови на пыльной земле. Хватка Идана непоколебима, но он смотрит на короля, ожидая приказа.

Ты подойдешь ко мне сейчас, говорит король, и его ноздри все еще раздуваются от гнева, глаза темны и непроницаемы, как ночное небо. Его губы сжаты в тонкую линию, он все еще тяжело дышит после напряжения схватки с мужчинами, напавшими на меня. Его широкая грудь блестит от пота, капли стекают по рельефным мышцам, застывая в ложбинках. Если ты сейчас побежишь, я поймаю тебя, рычит он, и в его голосе нет ни капли сомнения. Я раздену

тебя догола и высеку, проведя назад через рынок полосатой и голой, на глазах у всех моих людей. Он делает паузу, давая мне время осознать услышанное. Я знаю, что каждое его слово — правда. Он не блефует и не пугает — он предупреждает. Отпусти ее, Идан.

Идан повинуетсЯ мгновенно, разжимая пальцы. Хотя я свободна от его хватки, я далеко не свободна. Я стою на дрожащих ногах, чувствуя, как земля уходит из-под ног.

На ватных, подкашивающихся ногах я приближаюсь к дикарю. Он хмурится, его глаза превратились в узкие щелочки, когда он крепко хватает меня за плечи и притягивает к своей груди. Я чувствую жар его тела, запах пота и металла, слышу, как бьется его сердце — слишком ровно для человека, который только что едва не убил другого. Я выгибаю шею, чтобы посмотреть на него, и его глаза встречаются с моими. Хотя он в ярости — я вижу это по напряженным желвакам, по сжатой челюсти, — я читаю в его взгляде кое-что еще. Неужели разочарование? К моему удивлению, меня охватывает легкая, тянущая печаль от того, что я послушалась его. Стыд? Нет, не может быть. Я говорю себе, что это просто усталость, адреналин и странность этого чужого мира затуманили мои чувства. Я не должна ему верности. Я его пленница, его собственность по законам этого варварского мира. Я должна сбежать. Я сбегу. Обязательно сбегу.

Ты послушалась меня, говорит он сурово, и его голос — глубокий рокот, который я чувствую всем телом, каждой клеточкой. Но затем его взгляд падает на мою щеку, туда, куда меня ударили. И его глаза меняются. Они смягчаются, становятся почти теплыми. Он выглядит опечаленным, даже виноватым, когда протягивает руку и тыльной стороной широкой ладони нежно, почти благоговейно гладит мою скулу. Он ударил тебя, говорит он, и его голос понижается до опасного, низкого рокота. К моему полному шоку, он наклоняется, и его колючий, усатый поцелуй легким, как бабочка, прикосновением проходит по моей ушибленной, горячей коже. Он причинил тебе боль еще как-нибудь? спрашивает он, и в этом вопросе столько сдерживаемой ярости, что я невольно вздрагиваю.

Я глупо мотаю головой, не в силах вымолвить ни слова. Я не могу понять странные, противоречивые эмоции, поднимающиеся во мне от его неожиданной, почти нежной заботы. Он прижимает мою голову к своей груди, и я слышу, как под ребрами гулко бьется его сердце. Его голос все еще низок, но теперь он дрожит, когда он говорит. Лучше бы я убил его, говорит он, и в этом признании столько кроважадной тоски. Возможно, я еще это сделаю.

Я не отвечаю. Я не знаю, что сказать. Этот человек — мой похититель, мой мучитель, который высек меня ремнем на глазах у толпы. И все же он ищет отпущения за меня, готов убивать за меня, готов изменить свое решение только потому, что я попросила. Это сводит с ума.

Он поднимает голову и резко, холодно обращается к Идану. Мы с тобой поговорим после сегодняшнего совещания. После того, как у меня будет время решить, как тебя наказать за то, что ты не смог ее уберечь. В его голосе нет гнева — только ледяная решимость.

Я с удивлением смотрю на Идана. Он уже опустился на одно колено, склонив голову так низко, что его длинные волосы касаются пыльной земли. Да, господин. Я приношу свои самые искренние извинения, говорит он, и его голос глух и безжизнен. Моя жизнь в уплату за мою невыполненную обязанность.

Его жизнь? Я смотрю на короля в ужасе. Неужели он убьет своего верного помощника из-за того, что я сбежала? Но дикарь качает головой, и я чувствую, как напряжение чуть-чуть отпускает. Твоя жизнь не будет уплатой за то, что ты позволил маленькой нахалке ускользнуть из твоих пальцев, говорит он, и я замечаю, что уголок его губ чуть заметно дергается. Но ты ответишь за это. Иди, готовься к нашему собранию. Мы поговорим об этом позже.

Идан встает, и с коротким, почтительным кивком, не поднимая глаз, быстро уходит, оставляя нас одних. Тишина становится плотной, почти осязаемой. Я остаюсь наедине с дикарем.

Он хватается меня за затылок, пальцы переплетаются с моими волосами у самого корня, и наклоняет мое лицо так, чтобы я не могла отвести взгляд. Зачем ты была здесь? спрашивает он, и его голос тих, но в нем слышится скрытая опасность. Чего ты надеялась достичь, пробравшись к возвышению? Он смотрит на меня в упор, и я чувствую, как он сканирует каждую мою эмоцию, каждую микродвижение лица.

Я не могу ему сказать. Не сейчас. Может быть, никогда. Я отвожу глаза в сторону — смотрю на траву, на камни, на что угодно, лишь бы не видеть этот пронизывающий взгляд. Мне просто нужно было немного пространства и уединения, говорю я тихо, и мой голос звучит жалко и неубедительно даже для меня самой.

Рывок за волосы заставляет меня вскрикнуть от неожиданности и боли. Он резко откидывает мою голову назад, заставляя снова смотреть на него. Изолированная камера дала бы тебе и пространство, и уединение, если ты этого желаешь, говорит он, и его голос понижается до угрожающего рыка. И ты лжешь. Последние слова он выплевывает, как проклятие. Его терпение иссякло полностью — я вижу это по тому, как дергается желвак на его скуле. Нежность, которая была в его глазах минуту назад, исчезла без следа, стерлась, как ластиком. Его лицо снова стало жестким, непроницаемым. Он хватается меня за руку выше локтя — сильно, почти до синяков — и мы уходим с поляны прочь. Его шаги широки и быстры, мне приходится бежать, чтобы поспеть за ним, спотыкаясь о камни и корни.

Меня накажут. Я знаю это так же верно, как то, что солнце светит над головой. Я не знаю способа избежать этого. Остается только идти рядом с этим диким, опасным человеком, который назвал меня своей, и ждать, какое наказание он для меня приготовит. Мое сердце колотится где-то в горле, а в голове пульсирует одна мысль: я должна была бежать быстрее. Я должна была выбрать другой путь. Но теперь уже поздно.

Глава 6

Алдрик

Я дрожу от ярости, но должен обуздать гнев, сохранить контроль. Идан подвел меня, и он ответит. Но женщина... она принадлежит мне, и все же она осмеливается бунтовать. Я жалею, что оставил её хоть на миг. Мне следовало держать её ближе, не спускать с неё глаз. Хотя женщинам не позволено находиться при дворе Хисраха, я не должен допустить, чтобы у неё снова появилась такая возможность.

Когда я увидел, как тот мужчина ударил её, меня охватила ярость воина в битве, готового перерезать горло тому, кто посмел поднять руку на мою женщину. Её

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.